

СПЕЦВЫПУСК

АВГУСТ/2019
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ

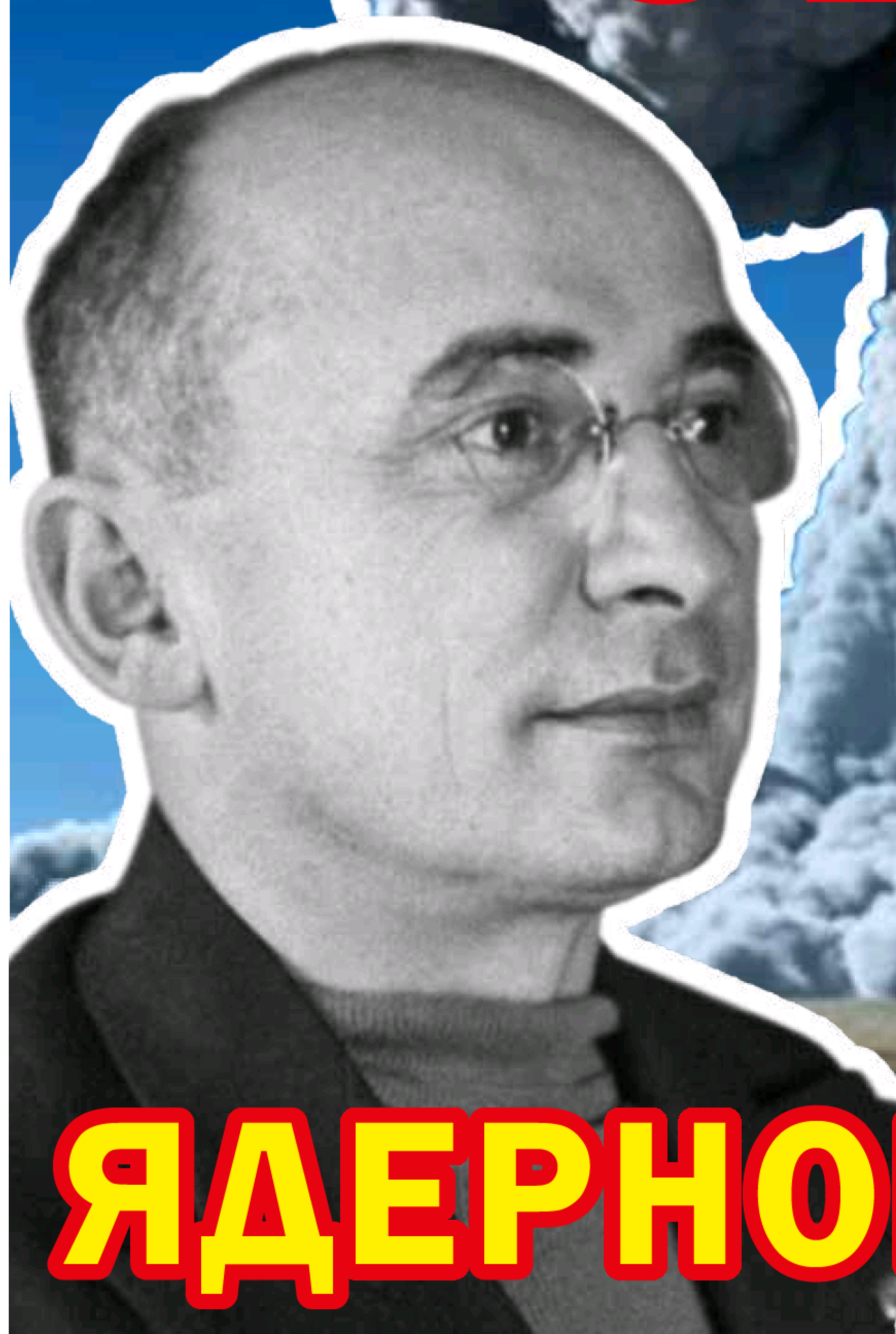
СОВЕРШЕННО

№8 (161)

СЕКРЕТНО

НАУКИ

ОТЦЫ

ЯДЕРНОЙ БОМБЫ

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ НАУКИ

18

ПЕРСОНА

10

НЕПОЗНАННОЕ

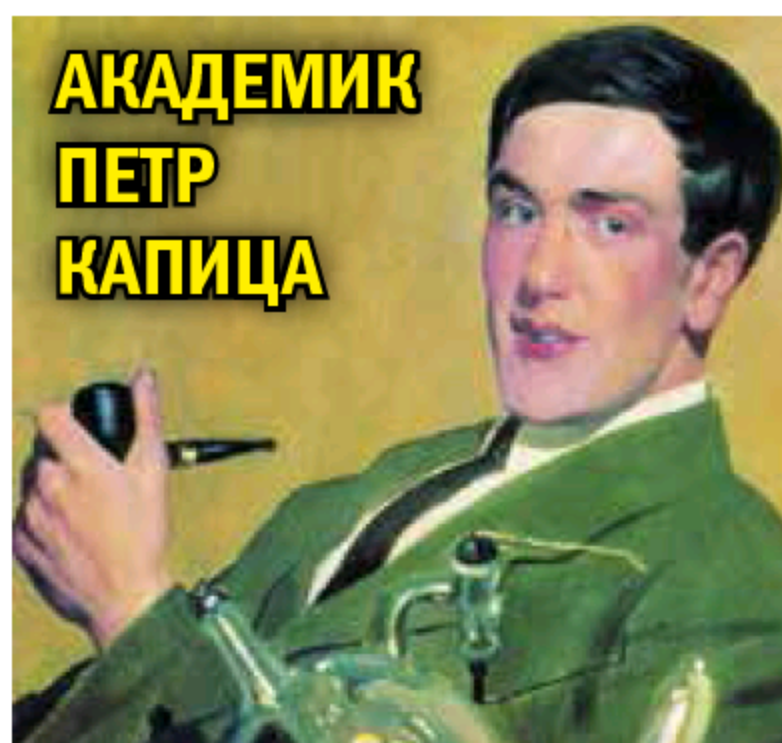
20

ПЕРСОНА

14

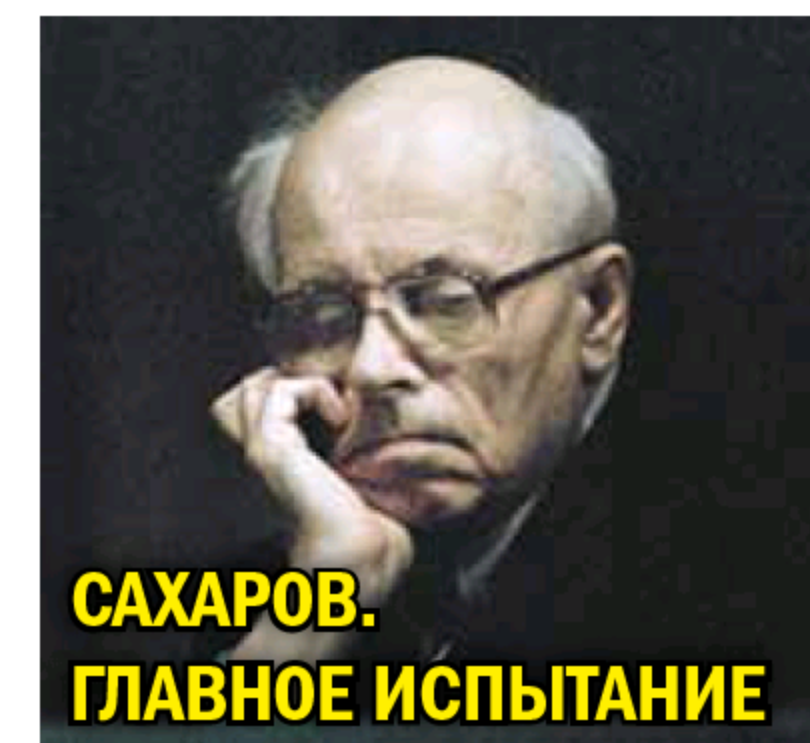
БОЕЦ
ПО ИМЕНИ ДЕЛЬФИН

АКАДЕМИК
ПЕТР
КАПИЦА

ФАНТОМЫ

САХАРОВ.
ГЛАВНОЕ ИСПЫТАНИЕ

ISSN 2070-884X

19008

9 772070 11884002

Допрос Нильса Бора

Андрей АНДРЕЕВ
Алексей КОЖЕВНИКОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В 1971-1973 годах профессор Яков Петрович ТЕРЛЕЦКИЙ записал на магнитофонные кассеты воспоминания о том, как в 1945 году он ездил в Копенгаген к основоположнику современной ядерной физики Нильсу Бору с личным заданием Л.П. Берия – выведать секреты американской атомной бомбы.

Текст расшифрованной записи был выверен автором незадолго до смерти. И с согласия участников этой истории их псевдонимы заменены были на подлинные имена. Мы публикуем сокращенный вариант этих уникальных воспоминаний.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1945 году я, будучи докторантом физфака МГУ, заканчивал диссертацию, посвященную основам статистической физики. Осенью 1943 года меня пригласил к себе Курчатов и предложил работать у него. Проблему, над которой предполагалось работать, Курчатов разъяснил весьма туманно, так как, по соображениям секретности, не имел права посвящать меня в суть дела. Но мне, конечно, как и большинству физиков, было известно, что Курчатов занимается проблемой извлечения атомной энергии из урана. Слухи об этом ползли уже более года. Несмотря на всю привлекательность работы над урановой проблемой, я все же не принял предложения Курчатова, сказав, что хотел бы сперва закончить докторскую диссертацию.

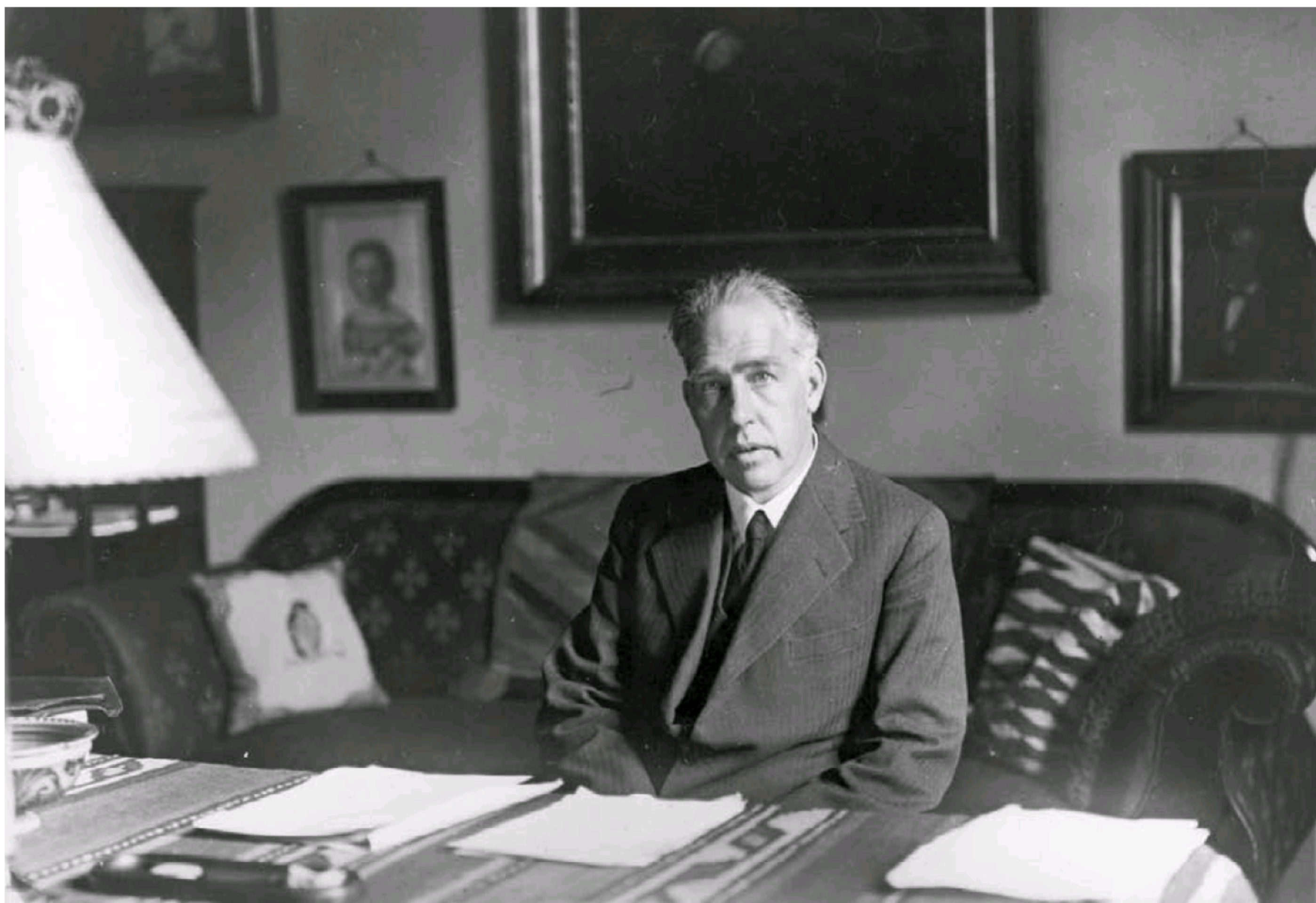
Седьмого августа 1945 года газеты сообщили об атомной бомбе, сброшенной над Хиросимой, эквивалентной по силе взрыва двадцати тысячам тонн тринитротолуола. Это сообщение вызвало комплекс болезненных переживаний: «Американцы опередили нас и теперь будут диктовать свои условия». Наша блестящая победа над фашизмом во многом обесценивалась. Во всяком случае, уже нельзя было мечтать о быстром освобождении от капитализма многих народов Европы и Азии. Пошли слухи о привлечении новых ученых в атомную проблему, стали говорить о том, что во главе атомной проблемы поставлен член Политбюро Л.П. Берия. Это вслило надежду, что ЦК наконец наведет в науке порядок, поставит у ее руководства наиболее талантливых и преданных родине ученых. Такова вкратце предыстория моего включения в атомную проблему.

24 сентября 1945 года

Меня вызвали на Лубянку. Вызов в НКВД обычно ассоциировался с неожиданными неприятностями, однако сейчас, зная, что Берия поставлен во главе атомной проблемы, я не сомневался в том, что речь будет идти о возможной работе в этом направлении. На пропуске было указано: «К товарищу Судоплатову». Но встреча с Л.П. Берия не состоялась. После не слишком продолжительного ожидания мне было сказано, что сейчас Лаврентий Павлович занят и что нас пригласят в другой раз.

26 сентября

На этот раз я был вызван в кабинет генерала Судоплатова вместе с А. Рыловым. Нам было объявлено, что по указанию Л.П. Берия мы назначаемся заместителями начальника Отдела «С» НКВД по научной части. Начальником отдела назначен генерал-лейтенант Судоплатов, а его оперативными заместителями генерал Сазыкин и полковник Василевский. Я был

Нильс Бор, 1935 год

ошарашен, так как только теперь понял, что это будет не научная работа, а работа в органах. Судоплатов успокоил, сообщив, что мне разрешено продолжать работать в МГУ в той же должности, а о работе в НКВД лучше вообще не упоминать. Или говорить, что по совместительству работаю в Совнарком Советского Союза. Тут же нам было объявлено о тех благах, которыми нас осыпали в связи с этим назначением: были обещаны квартиры, были назначены большие по тому времени оклады и специальное литературное снабжение, значительно превосходящее снабжение ученых МГУ.

11 октября

Это был первый день работы в Отделе «С». Мне был выделен отдельный рабочий кабинет. Полковник, занимавший этот кабинет, освободил его по распоряжению Судоплатова. Затем ко мне начали приходить сотрудники Отдела «С» на консультации. Это были переводчики, как правило, не знавшие физики. Но редакторами-переводчиками оказались окончившие физфак МГУ Кольченко и Каменецкий. Однако они приносили английские тексты, мало понятные даже физикам. Сами тексты представляли собой фотокопии напечатанных на машинке научных отчетов. В начале каждого отчета стоял стандартный штамп американских органов госбезопасности, предупреждавший о секретности отчета и об ответственности за разглашение содержащихся в нем сведений как за шпионаж. Судоплатовым я был предупрежден, что интересоваться происхождением этих отчетов не следует, а также не следует проявлять интерес к тому, как и кем эти отчеты скопированы и переданы. Фамилии авторов отчетов были стерты, их не полагалось переводить, если случайно где-либо они попадались в тексте. В задачу Отдела «С» входил перевод этих отчетов на русский язык, а в мою и Рылова задачу – консультации по их переводу, общее редактирование и составление кратких аннотаций для доклада на Научно-техническом совете по

Проблеме № 1 (НТС). Как я узнал в дальнейшем, в сейфах Отдела «С» находилось около 10 000 страниц этих, в основном американских, секретных отчетов (были и английские материалы).

15 октября

В этот день вечером мы должны были доложить о переведенных материалах Отдела «С» на НТС. Поздно вечером подготовленные нами материалы были запечатаны в портфель, в сопровождении капитана Н.Ф. Земского мы вынесли его из здания и направились к стоявшей у подъезда машине. Николай Федорович сел за мной, держа в кармане пальто поставленный на боевой взвод бельгийский пистолет «вальтер». Машина была очень шикарной, возможно, принадлежала самому наркому или его заместителю. Но ехать надо было не очень далеко. Не более трех километров. Около одного из зданий на улице Кирова мы остановились, вошли в парадное, сказали дежурному вооруженному охраннику свои фамилии, поднялись на лифте и вошли в приемную наркома Ванникова Бориса Львовича. На заседании присутствовали академик Курчатов и член-корреспондент Академии наук Юлий Борисович Харитон, а также ряд неизвестных мне лиц. Борис Львович объявил, что будут доложены материалы «Бюро № 2», тактично потушил возникшие недоуменные вопросы об этой организации. Я доложил подготовленные аннотации. После ряда вопросов были вынесены рекомендации, кому их надо направить.

В дальнейшем доклады на НТС проходили менее торжественно, не всегда ездили в приемную Ванникова на машине, но всегда в сопровождении вооруженного сотрудника.

20 октября

Суббота. Поздно вечером, когда наша семья уже ложилась спать, за мною была прислана машина. Приехав на Лубянку, я узнал, что меня должен вызвать Берия. В ожидании вызова прошло часа два. Судоплатов спросил меня, знаю ли я Нильса Бора. Кто же из физиков не знал Бора! Из дальнейших намеков стало понят-

но, что предстоит встреча с Нильсом Бором. Однако Берия в эту ночь так нас и не принял. Меня отправили домой, предупредив, что я должен быть наготове и никуда не выезжать, даже в воскресенье.

22 октября

Судоплатов объявил мне, что предстоит поездка в Копенгаген к Нильсу Бору. Я поеду с Василевским, будет организована встреча с Бором, во время которой надо выяснить ряд вопросов об американском атомном проекте. Бор недавно вернул в Данию из США, он настроен против американцев, и можно рассчитывать, что он поможет нам. Наши друзья из датского Сопротивления уже получили согласие Бора на встречу с советскими учеными. Для установления личного контакта мне будут даны письменные рекомендации П.Л. Капицы, который хорошо знаком с Бором и его семьей.

24 октября

Это был самый напряженный день за все время работы в Отделе «С». После длительного ожидания у Судоплатова раздался звонок из приемной Берия, и мы пошли туда по длинной системе коридоров. Перед самым «предбанником», то есть комнатой секретаря перед кабинетом, мы прошли через комнату, заполненную вооруженными офицерами, внимательно нас оглядывавшими. Затем последовало ожидание в «предбаннике».

Наконец, нас всех пригласили в кабинет Берия. Когда мы вошли, Берия встал из-за письменного стола, стоявшего в глубине огромного кабинета. Я был представлен наркому. Среднего роста, стареющий, со слегка сужающимся кверху черепом, с суровыми чертами лица, без тени теплоты или улыбки, Берия произвел не то впечатление, которого я ожидал, видя до этого его портреты (молодой энергичный интеллигент в пенсне). Все сели за большой стол заседаний. В середине стола стояла большая пепельница из белого мрамора в виде белого медведя с рубиновыми глазками. Это был единственный предмет на длинном столе, но было видно, что этой пепельницей никто не пользовался. После

нескольких ко мне вопросов, в основном биографического характера, Берия перешел к предстоящей операции. Обращаясь ко мне и к Судоплатову, он спросил, как конкретно мы представляем себе задание. Что я буду спрашивать у Бора, мне было совершенно неясно. Мало мог разъяснить и Судоплатов. Выяснилось также, что моего знания английского языка совершенно недостаточно для личной беседы с Бором. Тут же было решено, что с нами поедет переводчиком Арутюнов, работавший переводчиком у А.И. Микояна. Было также решено, что задание, о чем именно спрашивать у Бора, будет уточнено «учеными», которые дадут мне также необходимые консультации по атомной проблеме. Берия распорядился вызвать «ученых», а также генералов Ванникова и Завенягина. Примерно через тридцать — сорок минут все вызванные съехались.

Первыми прибыли Ванников и Завенягин. Затем Кикоин, Харитон, Курчатов, кажется, последним прибыл Арцимович. Всем был задан вопрос, знают ли они Нильса Бора. Затем Берия перешел к вопросу о моей поездке. Харитон заметил, что лучше было бы послать Зельдовича. «Он выведал бы у Бора все тонкости атомной проблемы», — сказал Харитон. Но Берия его оборвал, сказав:

— Известно, кто у кого больше выведает. Поедет тот, кто лучше подходит для данной миссии. Его надо только хорошо проконсультировать и составить вопросник.

Действительно, что у меня можно было выведать? Об атомной проблеме в СССР я имел лишь самое общее представление. Берия дал ученым несколько часов для составления вопросника и для моего «просвещения». Курчатов, Харитон, Кикоин и Арцимович, собравшись, в кабинете Судоплатова, составили список вопросов, затем суть этих вопросов разъяснялась мне. Это была самая квалифицированная и самая насыщенная лекция, которую я когда-либо слышал. Я был поражен зданием наших ученых и только позже, по возвращении из Дании, когда вплотную познакомился с имевшимися материалами разведки, я понял, что все эти познания не столько плод собственных размышлений, сколько переложение всего того огромного запаса знаний, которые содержались в материалах, переданных нам иностранцами, верившими, что они не будут использованы во вред человечеству...

Итак, завтра на рассвете мы должны были лететь в Ленинград, затем поездом в Хельсинки.

28 октября

Рано утром мы выехали на пристань Хельсинки и погрузились на пароход «Веламо», отплывающий в Стокгольм. Когда мы поднялись на палубу, нас попытался с берега сфотографировать какой-то тип, мы сразу отвернулись, а Василевский спокойно заметил: «Это финский разведчик...»

31 октября

Утром приехали в Мальмо, поезд въехал на феррибот (паром, перевозящий поезда), и через пролив Зунд мы поплыли в Копенгаген. Копенгаген встретил нас туманом. Узнав, что мы из Советского Союза, таможенники приветливо заулыбались и быстро пропустили нас в город. Советское посольство помещалось тогда на Остералле. Оно занимало сравнительно небольшой особняк, в первом этаже размещались официальные апартаменты, посол с семьей жил на втором этаже, там же жили шифровальщики и некоторые другие сотрудники. Нас разместили тут же в здании посольства, на самом верху, в мансарде. Посол (Плахин) и его жена приняли нас очень радушно. Все называли меня «профессор» и относились с достаточным почтением к этому званию.

Следующие два дня, 1-е и 2-е, были посвящены подготовке встречи с Бором. Я никуда из посольства не выходил и в спешном порядке изучал составленный в Москве вопросник, разбирал записи, сделанные во время лекции, прочитанной мне Курчатовым, Харитоновым, Кикоиным и Арцимовичем. Эти записи мне было разре-

шено взять с собой, они, так же как и вопросник, и другие сверхсекретные документы, прибыли с нами в дипломатическом портфеле, который все время находился в руках у Василевского или кого-либо из нас. Василевский в эти дни где-то бывал, для выяснения, как он говорил, самой процедуры встречи с Бором. Он установил контакт с каким-то левым датским деятелем, который был связан с Бором. Готовясь к встрече с Бором, я представлял ее как непринужденную беседу ученых. Василевский же потребовал выучить наизусть весь вопросник и задавать вопросы как попугай, не проявляя инициативы. Выучить вопросы по-английски должен был и переводчик Арутюнов. Нам надлежало запоминать все ответы в точности.

5 и 6 ноября

Встреча с Бором откладывалась. Почему-то с ним не мог встретиться тот, кто обещал содействие. Вечером 6 ноября слушали по радио Москву. В речи на торжественном заседании Молотовым было сказано, что секрет атомной бомбы нам известен. Работники посольства засыпали меня вопросами, но что я им мог ответить? Кроме общих соображений физика, я ничего не был вправе говорить.

8–10 ноября

Опять ожидание встречи с Бором. Один из работников посольства показал мне подшивку материалов о Нильсе Боре. Оказывается, во время немецкой оккупации он сперва продолжал работу в своем институте. По заданию английской разведки он анализировал поступающую к нему информацию о секретных немецких работах над проектом урановой бомбы с целью выяснения приближения немцев к практической реализации проекта. Однако когда немцы стали подозревать Бора в связях с англичанами, ему было предложено бежать в Англию. Побег организовали английская разведка и датское Сопротивление. Сперва Бор с женой переправились на рыбацком судне через пролив Зунд в Швецию, а затем в бомбовом отсеке военного британского самолета были перевезены в Лондон, откуда — в США. В США Бор работал в Лос-Аламосе, где были собраны крупнейшие европейские и американские физики для разработки и осуществления атомной бомбы.

Сейчас, много лет спустя, эпопея побега Нильса Бора из Дании обычно излагается без упоминания связи Бора с Intelligence Service, но тогда об этом говорили без особого стеснения, даже в официальных сообщениях. Во всяком случае, те материалы, которые мне были показаны, содержали как ссылки на официальные источники, так и неофициальные достоверные подтверждения. Хотя я сам оказался связанным с разведывательной работой, но для меня было потрясением услышать, что знаменитый Бор мог быть назван агентом Intelligence Service. Для нас, советских людей, помощь советским органам разведки представлялась естественным выполнением долга перед Родиной, почетной обязанностью, хотя для многих и весьма неприятной. Но Intelligence Service всегда, даже когда англичане были нашими союзниками, казалась организацией, стоящей на страже интересов буржуазии, то есть наших классовых врагов.

13 ноября

Наконец Василевскому сообщили, что Бор готов со мной встретиться. Василевский сообщил, что Бор якобы обещал во время моего посещения его института найти время и место для конфиденциальной беседы со мной. Итак, завтра я обязан задать Бору все подготовленные мне на Лубянке вопросы.

14 ноября

На встречу с Бором мы выехали втроем на посольской машине, хотя до института можно было пойти пешком за семь минут. Роль шофера играл Василевский. В точно назначенный час мы остановились у подъезда института Бора. Василевский остался в машине и осуществлял, так сказать, внеш-

нее наблюдение за операцией. Бор встретил меня довольно сдержанно, поздоровался и познакомил со своим сыном Оге Бором, который, как потом мы узнали, изучал русский язык и немного понимал по-русски. Бору, видимо, не очень понравилось присутствие Арутюнова, но Арутюнов блестяще, с большим тактом выполнял роль переводчика, и первоначальное замешательство скоро прошло. Бор производил впечатление очень скромного человека, говорил тихим голосом, с трудным для восприятия английской речи датским акцентом. Я заметил, что руки его слегка дрожали. Арутюнов объяснил это просто старостью. Но не такой уж старик был тогда Бор. Ему недавно исполнилось 60 лет. Затем мы передали Бору письмо и подарки Капицы. Прочитав письмо, Бор стал расспрашивать о семье Петра Леонидовича и о положении Ландау. Когда я сказал, что Ландау успешно работает в лаборатории Капицы, и тем самым рассеял подозрения о преследованиях Ландау в СССР, оставшиеся, очевидно, со времен годичного тюремного заключения Ландау в 1938 году, Бор оживился и начал расхваливать Ландау как наиболее талантливого молодого теоретика, который работал у него.

Перейдя далее к злободневному вопросу об атомной бомбе, Бор сказал, что, по его мнению, атомную бомбу должны иметь все страны, и в первую очередь Россия. Только распространение этого могучего оружия в разных странах может гарантировать его неприменение в будущем. К счастью, продолжал Бор, секрета атомной бомбы уже не существует, так как все квалифицированные физики понимают сущность процессов в атомной бомбе, а то, что американцам удалось ее осуществить и применить, намного сокращает поиски для всех, кто занимался этой проблемой. Итак, атомную бомбу большему числу стран, в этом гарантия мира в будущем — такова основная идея Нильса Бора.

Затем Бор предложил мне осмотреть его институт. Он повел меня и Арутюнова по коридорам, соединяющим его кабинет с лабораториями. При этом каждый раз настойчиво пропускал меня во все двери первым, чем каждый раз вызывал мое смущение... Наконец мы вернулись в кабинет Бора и опять оказались вчетвером. Оге Бор никуда не уходил, и ни о каком уединении с Нильсом Бором не могло быть и речи. Наш визит явно кончался. А как же задание? Ведь для этого и была предпринята вся эта поездка в Копенгаген.

И я решил задать Бору вопросы по вопроснику в присутствии Оге Бора. Вопросы эти я представил как якобы интересующие Капицу. Бор спокойно отвечал на них, но ответы были очень общие: каждый раз он ссылаясь на то, что в Лос-Аламосе он не был ознакомлен с деталями проекта, а в лабораториях восточной части США вообще не бывал. Видимо, он понял, что Арутюнов знает эти вопросы назубок, и часто стал обращаться к нему как к собеседнику, а не как к простому переводчику. Но вскоре беседу пришлось прервать, так как у Бора было назначено на этот час какое-то совещание, Бор предложил нам встретиться с ним еще раз в пятницу, 16 ноября.

Впоследствии в Москве Судоплатов назвал эту встречу «допросом», который мы устроили Бору. Но как же еще можно было выполнить неукоснительный наказ: обязательно задать вопросы по вопроснику?

16 ноября

Вторая беседа состоялась в назначенное время. Опять нас повез в посольство. Как и в предыдущий раз, по его наблюдениям, за ними следили, по его убеждению, американские разведчики. Беседа вновь проходила в кабинете Бора в присутствии его сына. Бор ответил мне на все оставшиеся вопросы, еще раз пояснив, что он не знает деталей, и при этом вновь подчеркнул, что квалифицированные физики, такие, как Капица или Ландау, в состоянии решить проблему, если им уже известно, что американская бомба взорвалась. А по поводу одного из вопросов Бор деликатно дал понять, что он поставлен не очень квалифицированно. Беседа протекала теплее, чем в предыдущий раз. Оге по распоряжению отца принес и подарил нам уникаль-

ный, еще изданный на ротاپринте отчет Г.Д. Смита «Атомная энергия для военных целей». Этот отчет совсем недавно был рассекречен, и мы были, пожалуй, первыми советскими людьми, увидевшими его.

17 ноября

С утра мы с Арутюновым восстановили по памяти ответы Бора и весь диалог. Вечером сели на пароход и отправились в Мальмо, а оттуда поездом в Стокгольм. Во время посадки на поезд было заметно, что за нами довольно нагло следили какие-то типы. Дипломатический портфель представлял теперь особую конфиденциальность, и мы хранили его как зеницу ока, Василевский не выпускал его из рук, а во время сна — из-под подушки.

20 ноября

Во второй половине дня мы приехали на аэродром и погрузились в советский транспортный самолет. В Москву была послана радиограмма о часе нашего прилета, и вот мы приземлились во Внукове. Но нас, вопреки ожиданиям, никто не встречал. Связавшись по телефону, Василевский выяснил, что машины за нами давно отправлены. Только через час приехали три машины, в одной из которых находился сам Судоплатов. Оказывается, в этот вечер был сильный гололед и две посланные за нами машины попали в аварию, пришлось вызывать другие. Васи-левский сел в машину Судоплатова, предполагая, что мы сразу поедем на Лубянку, однако при въезде в Москву Судоплатов остановил мою машину и сказал, что лучше будет, если я сейчас поеду домой, а завтра с утра ему все доложу.

21 ноября

С утра мы втроем собрались в НКВД и отработали окончательный текст доклада о встрече с Нильсом Бором для представления его Л.П. Берия. Василевский строго предупредил, что докладывать Берия я должен все то, что было нами согласовано, в частности, обязательно сказать, какого высокого мнения Бор о Ландау. Я и Арутюнов доложили все, как было нами согласовано, и Берия держался довольно развязно, прерывал нас репликами, содержащими матерную брань и в адрес Бора, и в адрес американцев. Когда мы дошли до того вопроса, который Бор посчитал некалифицированно поставленным, Берия, махнув рукой, сказал:

— Ну, это опять Курчатов напутал!

Правда, после Курчатов клялся, что это не он так сформулировал, а мы неправильно задали вопрос Бору. Под конец Берия положительно отзывался о Боре, сказав, что «старика американцы использовали, а потом прогнали, но нам надо его поддерживать».

В течение трех дней мне не рекомендовалось показываться кому-либо из университетских коллег и запрещено было говорить о встрече с Бором. Лишь 24 ноября я смог прийти в университет, а 26 ноября был послан к Капице с письмом от Бора и кипой присланных ему отгисков. Капица тут же пригласил Ландау и других сотрудников, зачитал им письмо Бора и передал отгиски. На этом и закончилась эта удивительная операция, истинный смысл которой так и остался не вполне понятным.

А вскоре я убедился в том, что в Лаборатории № 2, руководимой Курчатовым, уже давно повторили основные эксперименты, описанные в американских отчетах, к фотокопиям которых Курчатов имел доступ. Были рассчитаны заново также основные теоретические выводы, содержащиеся в этих материалах. При этом теоретики поразились невероятной интуицией Курчатова, который, не будучи теоретиком, точно «предсказывал» им окончательный результат. Восхищение этой сверхинтуицией Курчатова отражено в книге о Курчатове Игоря Николаевича Головина, впервые изданной в 1967 году. Таким образом, все то, что мы привезли от Бора, исключая, пожалуй, книгу Смита, давно было известно Курчатову и его ближайшим коллегам из исчерпывающе полных американских отчетов, сфотографированных и переданных нам нашими искренними друзьями-антифашистами. ■

Академик Александров

Вера ЧЕРНИКОВА
Борис ВОЛОДИН

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В этот кабинет Института атомной энергии им. И.В. Курчатова в былые дни посторонних допускали с крайними трудностями, чаще же не допускали вовсе, ибо его хозяин в течение полувека был Очень Большим Секретом в нашей стране.

Все, что он делал в науке, пряталось от посторонних глаз и ушей, и даже премии и награды, которые он получал, числились государственной тайной. Он был тайно трижды Героем Социалистического Труда, много раз — лауреатом премий по закрытым спискам. Сейчас трудно уточнить, какие из его девяти орденов Ленина проходили по Указам Президиума Верховного Совета, не подлежавшим оглашению. Академик Анатолий Петрович АЛЕКСАНДРОВ, в прошлом директор двух важнейших физических институтов страны, член ЦК КПСС после трех партийных съездов, депутат, президент Академии наук СССР и председатель Комитета по Ленинским премиям по науке и технике, всю жизнь вершил дела, которые не могли не быть тайной.

Его жизнь и труд просто рождали государственные секреты: это и метод размагничивания кораблей, и атомные двигатели для подводных лодок и ледоколов, и атомные реакторы для электростанций, и дейтерий для ядерных бомб...

В его кабинете сживали люди, чьи имена мы до сих пор произносим с трепетом: первый директор института — Курчатов, великий Сахаров, уникальный научный провидец Яков Зельдович, один из отцов водородной бомбы Юлий Харитон. Старейший физик и инженер — ему было уже восемьдесят девять, — Александров выглядел почти так, как выглядел, когда его впервые представили по телевидению в роли президента Академии. Бог его не обидел ни ростом, ни статью, ни голосом. Реальный, земной человек, проживший необычную, полную таинственностей жизнь. Его трудно разговаривать, а уж тем более выведать какие-то секреты — наш собеседник не приучен их раскрывать.

Странная история с бомбой

Александров. Черт знает, что это за история! Была она летом пятьдесят третьего...

Кор. Тем самым «холодным летом пятьдесят третьего»?

— Холодное оно было или нет, теперь не упомню, — дождливое, кажется, — а события тогда, как знаете, произошли преважные. Все, кто в те дни успел выйти из детского возраста, их помнят. Для меня поначалу дело состояло в том, что на одном из атомных заводов, в Арзамасе-16, разрабатывался новый тип оружия. Обычно к таким делам я непосредственного касательства не имел, но меня иногда привлекали как эксперта-физика и инженера.

И вот в июне раздается звонок по «вертушке» — я работал тогда директором Института физпроблем, — и мне говорят, что от Берии поступило распоряжение: Курчатову и Александрову вылететь на завод, где делают бомбу, и ускорить ее сдачу спецкомиссии. Таких поручений нам с Курчатовым обычно не давали — они для сотрудников другого ранга, но ничего сверхъестественного в том не было. Мало ли, какие вопросы возникли — почему не пригласить срочно главных специалистов? Да и дисциплина в нашем ведомстве почиталась.

Ну, хорошо. Полетели на завод, прилетели туда часов в двенадцать дня. Проработали до ночи. Требовались некоторые технологические изменения, и кое-что надо было еще проверить до сдачи. Но «изделие» было уже почти подго-

товлено для предъявления приемщикам.

Мы наметили, что будем делать завтра. И тут нам сообщили, что прилетел самолет с генеральскими чинами из ведомства Берии. Многих из них мы и не знали.

Нам было сказано, что бомбу предстоит сдать этой особой комиссии — энкавдэшникам. Это было необычно, потому что директора заводов были обязаны передавать изготовленную продукцию только Министерству обороны. Правда, состав комиссий согласовывался именно с Берией, ведь он был официальным куратором атомной программы, как первый заместитель Председателя Совета Министров и Госкомитета обороны.

На следующее утро мы проснулись довольно рано. Спрашиваю Игоря Васильевича: «Ну как, едем на завод?» Вижу, он чем-то обеспокоен, все ему не нравится. Я говорю: «Давайте проверим, выполнены ли наши поручения». Он начинает звонить разным людям и ничего толком узнать не может. Всюду какая-то невнятица. Вдруг прибегает мой помощник: «Велено вам — газету». Курчатов берет эту газету, и я вижу, как он меняется в лице. Сует мне «Правду». Я смотрю — на первой странице написано, что в Большом театре состоялся спектакль, на нем присутствовали члены правительства. А в списке членов Берии нет! И тут кто-то нам сообщает, что бериевские генералы исчезли.

— Улетели?

— Улетели!.. Получалось, что сдавать эту штуку некому. Ну, мы и порешили, что пусть завод доводит «изделие» и сдает его воинской комиссии, которой и полагается сдавать.

Прилетаем в Москву, и один сотрудник спрашивает меня с каким-то особым выражением: «А ваших всех отпустили оттуда?»

Я говорю: «Всех. А что случилось?» Он мнется: «Ничего сказать не могу».

— И, что же все это значило?

— Черт знает, что за история!

— О ней рассказывалось когда-нибудь в печати?

— Никогда и никем. О происшедшем знали трое. Я, Игорь Васильевич Курчатов, но он умер в 60-м, тогда до рассекречивания таких вещей было далеко. Еще Харитон. Мы с Юлием Борисовичем несколько раз обсуждали, что же все-таки произошло тогда в Арзамасе-16. Нам казалось, что Берия почуял какую-то угрозу для себя. Может, и придумал захватить бомбочку, чтобы в случае чего жакнуть ею для острастки. А может, просто решил пригрозить кому надо. Он же был отменный шантажист!

— И вы сошлись на этом предположении?

— Нет, не сошлись. Все для нас осталось загадкой. А Харитон, человек очень осторожный и сейчас твердит: «Я об этом не имею никакого представления». Ну, может быть, теперь, когда разроют архивы КГБ, глядишь, попадутся следы той истории. А может, и не попадутся.

Отступление корреспондента Володина

Арестовали Берию.

Я великолепно помню утро холодного 26 или 27 июня пятьдесят третьего года, когда я еще полутайно приехал в Москву из Иванова, куда был выслан после тюрьмы и лагеря. Пришел с вокзала в коммуналку на Большую Бронную, а моя полуслепая старенькая теща и говорит:

— Боря, знаешь новость, а вчера Берию посадили!..

Как закричу:

— Мария Ефимовна! Бог с вами — вы

мне этого не говорили, я ничего не слышал!

— При чем тут Бог? — говорит Мария Ефимовна. — Всю ночь на улице Качалова машины гудели, чтобы выстрелов не было слышно, когда штурмовали его особняк. Охрана-то у него не сдавалась. Да ведь сегодня его портреты снимали во всех учреждениях...

У нас на Лубянке, в камерах внутренней тюрьмы, ходили настойчивые слухи, будто любимец Сталина не гнушался собственноручно обучать своих присных умению охаживать резиновыми палками подследственных, тех, кто для него поважнее, — именно так, чтобы кровь в моче пошла.

И был этот сатрап с мелкой, птичьей, хищной, близорукой рожицей, этот член Политбюро, третий человек в правительстве, еще и руководителем атомного проекта в нашей стране.

— Анатолий Петрович, а кто еще входил в руководство проекта?

— Первым замом — Ванников Борис Львович, министр боеприпасов. Он сам в бериевской тюрьме, отсидел порядочно. Очень толковый министр. Еще Завенягин Авраамий Павлович, замминистра внутренних дел, основатель и долгий начальник Норильского комбината. Ну и, конечно, Ефим Павлович Славский — министр среднего машиностроения.

— А из ученых?

— Курчатов, Капица, Семенов, Иоффе, математик Сергей Львович Соболев, ваш покорный слуга, Юлий Харитон, Зельдович, геохимик Александр Павлович Виноградов, металлург по урану и плутонию Андрей Бочвар. Вот это была главная команда. Потом, в 1946 году, Капица попал в опалу, его вывели из проекта. Семенов и Иоффе тоже перестали там работать.

— Ходили слухи, что Капица претендовал на руководство атомным проектом и Берия не потерпел этого.

— Не думаю. Там скорее были коллизии другого характера. Людей перетасовывали в связи с атомными разработками. Вот и для меня пришла неожиданная и неприятная весть — назначили директором Института физпроблем, основанного Капицей.

— Вам это было неприятно?

— Ну конечно. На кой черт мне это надо было!.. Мы же с Петром Леонидовичем знали друг друга с Ленинградского физтеха.

— А кто распорядился?

— Берия.

— С вами посоветовался?

— У него такого обычая не было.

— А какие инструкции вам дали?

— Никаких. Институт кое-что делал по программе Курчатова. Вот мы и должны были разработать способ получения дейтерия в больших количествах. Для реакторов, для вооружения...

— Вам часто приходилось общаться с Берией при работе над атомным проектом?

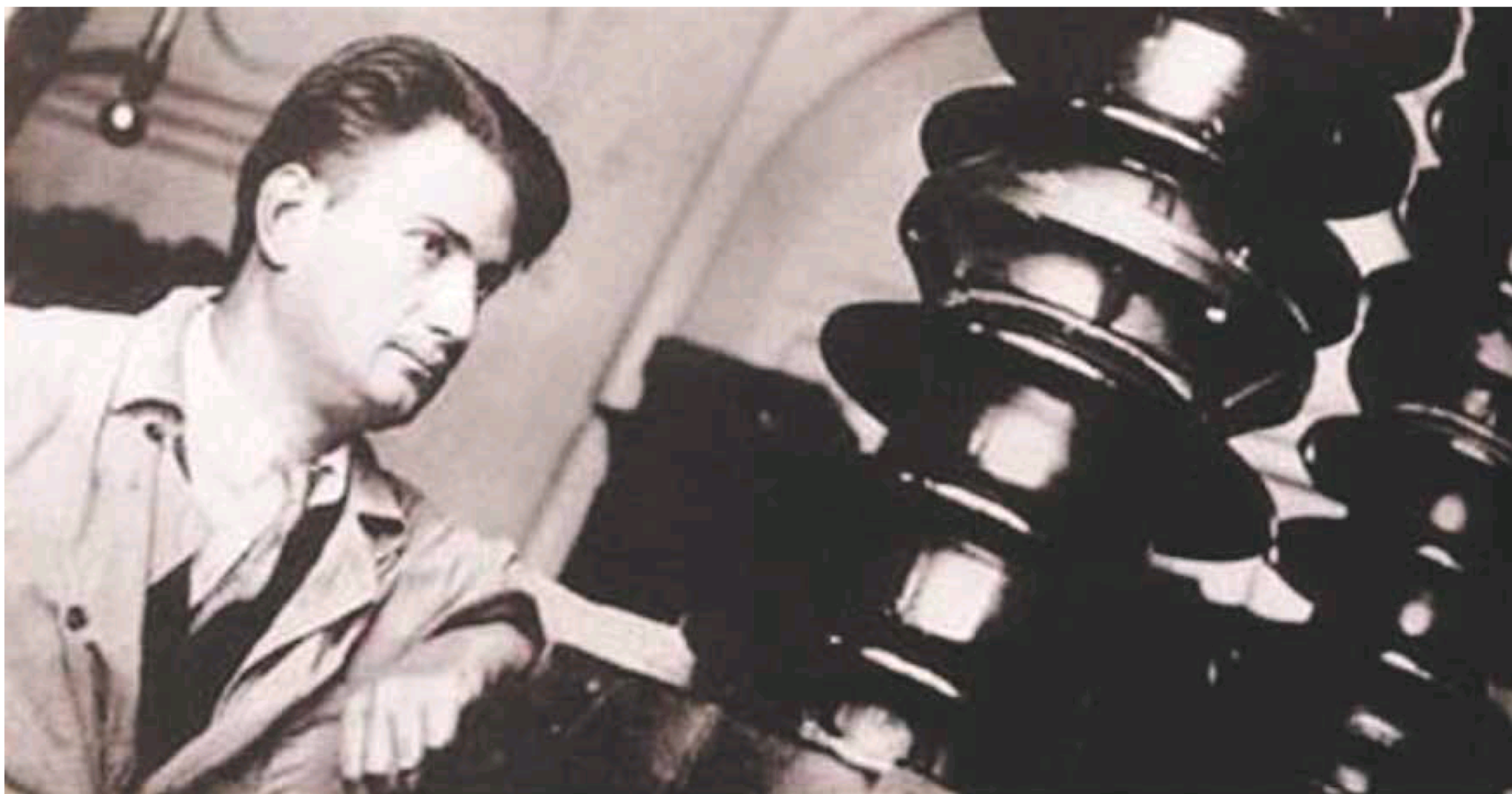
— Очень редко. Первый раз — на «Маяке». Это возле Свердловска. Там строили наш первый реактор. Главным конструктором был Доллежал. А руководил всем Курчатов. Собственно, он туда меня и затащил. Назывался реактор «объект А». И вдруг туда приехал Берия. Все, конечно, вздрогнули.

— Охраны у него много было?

— Человек тридцать. Спрашивал, как мы справляемся с делами. Ну, пожалуй, и все. Никаких, особых впечатлений не осталось. Только однажды на встрече в Кремле пригрозил со мною разобраться.

— А почему в Кремле? Вы там случайно встретились?..

— Тогда в Кремль нельзя было случайно попасть. Пропуска, кордоны — куда там охрана нашего института, не сравнишь. Шло заседание комиссии — Ванников, Завенягин, министр химии, ученые. Обычно заседания вел Ванников, а тут нас осчастливил сам Берия. Он редко бывал — другие одолевали заботы. Генерал Махнев, его помощник как раз по нашей части,

докладывает: мы назначаем товарища Александрова директором Института физпроблем.

А Берия спрашивает Махневу, будто бы меня здесь и нет (манера такая, считалась высоким тоном: есть Берия, а прочих как бы нет, одни манекены):

— А ОН (то есть я. — А.А.) знает, что ЕГО назначают и ЧТО с ним будет, если он не выполнит ТО, ЧТО МЫ от него требуем?

Махнев ответил, что товарищ Александров вроде бы все должен знать. Мне бы промолчать, но все-таки не выдержал и сказал, что все себе отлично представляю...

Ту работу, из-за которой Берия мне грозил великими бедами, мы хорошо сделали — наладили производство дейтерия. Я был в «Капичнике» директором лет восемь. А потом, когда при Хрущеве Капицу вернули в директорское кресло, меня освободили и назначили в Институт атомной энергии, замом к Курчатову. С тех пор я здесь — тридцать восемь лет.

— Вам не жалко было уходить из Института физпроблем?

— Как не пожалеть! Но с Капицей у нас сохранились приличные отношения. Он меня и на обед не раз приглашал.

А вы бывали на атомных испытаниях?

— Институт физпроблем при вас занимался атомной проблематикой?

— Только частично. Например, Курчатов привез к нам первую бомбу и просил сделать для нее покрытие из никеля, снаружи и внутри. У нас был экспериментатор Александр Иосифович Шальников, большой спец по тонким металлическим пленкам. Вот он разработал технологию, а я ее выполнил на «Маяке», и получилась никелированная бомба. Потом в ход пошла другая технология — металловеда Займовского...

— Курчатов так прямо бомбу и привез?

— Привез. Но без начинки, конечно.

— А как она выглядела?

— Две полусферы, сантиметров десять в диаметре; с углублением в центре для заряда — плутониевого или уранового.

— Такая маленькая?

— Что значит «маленькая»?

— Ну... сколько она весила?

— Шесть—восемь килограммов.

— Анатолий Петрович, рассказывают, что во время работы над атомным проектом вокруг вас было дикое множество охранников, от которых вы никуда не могли деться.

— Было дело... Приставили охрану: трех человек из специальной службы охраны Сталина. Они постоянно нас сопровождали — Курчатова, меня, Сахарова, Харитона...

Я должен был подчиняться порядку: куда бы ни ехал — только с ними.

У нас в «Капичнике» были сделаны самые первые работы над проектом атомной подводной лодки. Но Берия запретил вести эти исследования. Так и сказал: «Когда решите основную задачу — оружие (то есть бомбу), тогда можете заниматься чем хотите. А до этого не отвлекайте людей от дела». Вот, собственно, какая была установка. Только позже мы развернули морские работы. Но это было уже в Институте атомной энергии. Начали делать энергоблок для ледокола «Ленин». В 58-м году он уже пошел во льды, и лодка тогда пошла.

— Американцы все-таки вас опередили?

— Да, они сделали «Наутилус» раньше нас. Мы знали, что они ведут работы, хотя все было страшно засекречено.

— Вы пользовались какими-то научными их публикациями или данными разведки?

— К нам попадало и то и другое. Набиралось довольно много всяких сведений, но в большинстве они были отрывочными.

— Анатолий Петрович, сколько раз вы бывали на атомных испытаниях?

— Ни разу.

— А на испытаниях водородной бомбы?

— Тоже не был.

— Почему?

— По собственному нежеланию и по договоренности с Курчатовым. Я не хотел заниматься такой убийственной дрянью.

— Но вы же много лет работали над атомным проектом.

— Конечно, тут некоторая нелогичность есть. Но тем не менее...

— А фильмы вы хотя бы видели, документальные?

— Фильмы смотрел. Постойте, один раз я атомный взрыв все-таки видел. Так сказать, неофициально.

— ???

— Это было на Волге, километрах в полтора от Астрахани. Мы с детьми и внуками проводим там обычно лето — на острове, уже лет, двадцать пять подряд. В 1991 году я там и путч пережил. Услышал по радио о ГКЧП, решил сейчас же отправиться в Москву. Но дети не пустили.

Ну а взрыв мы видели много лет назад. Отвозили детей на пароход — им пора было в школу. Рано утром пристали на моторке к берегу, и вдруг вспышка. Атомную вспышку ни с чем спутать нельзя. Она действительно «ярче тысячи солнц». Очень серьезная вещь. Потом грохнуло где-то вдали. Только позднее я узнал, что в тех местах был полигон, который теперь, кажется, закрыли.

Девочки Чернобыля

— Анатолий Петрович, когда случилась чернобыльская катастрофа, наши официальные инстанции с самого начала преуменьшали объем поражения и последствий. Причем средства массовой информации получали определенные указания. Из Киева по телевизору показывали англичан-туристов, которые клялись, что с ними ничего не произошло, но консульские работники заставляют их переодеваться, мыться. А первомайская демонстрация, которую организовало руководство города... От кого исходило указание все пригладить, затушевать?

— Первомайская демонстрация никому и не повредила. А вот вы пробовали узнать, сколько человек действительно умерло из-за последствий Чернобыля?

— Это узнать очень трудно, потому что Минздрав распорядился не ставить диагноз лучевой болезни ни живым, ни мертвым.

Отступление корреспондента Володина

Около указателя «Аксаковщина» (под Минском) от магистрали через роскошную рощу пошла гладкая асфальтовая дорога. У внушительной, в зеркальных стеклах, совершенно пустой проходной машина уперлась в «кирпич»: проезда нет. Вахтер, не глядя в удостоверение, махнул рукой. Охранные страсти отмерли: бывший фешенебельный санаторий Четвертого управления Белоруссии был отдан под клинику республиканского института радиационной медицины. Появление корреспондента оказалось делом нелюбопытным. Взрослые пациенты были замкнуты, малословны. К счастью, девочки двенадцати-четырнадцати лет из отделения детской эндокринологии оказались добрыми, красивыми. Хвалили добрых врачей, красивую мебель, уютные палаты и водные велосипеды на санаторских прудах — никогда на таких не катались!..

Но девушки и врачи избегали только одного — слов о надежде. У детей, особенно у девочек, были утолщены шеи — у кого больше, у кого меньше. Это особое поражение щитовидной железы, и размеры зоба зависели от дозы поражения и от количества уже полученных ими зарубежных медикаментов, дававших эффект, называемый «терапия экс ювантибус». Речь идет о специфическом лечении, которое не помогает ни в каком ином случае, а потому подтверждает диагноз.

— Все это так замаскировано, что до сих пор

Курчатов И.В. в 30-х годах XX века

нельзя сказать, сколько истинных больных дал Чернобыль. Мне об этом говорить трудно, потому что я не медик и просто-напросто этим не занимался, но думаю, что преувеличений тоже достаточно.

— А зачем, какой смысл преувеличивать?

— Ничего не могу сказать. В этом я не специалист.

— Можете ли вы дать короткую характеристику тому, как мы сегодня смотрим на происшедшее в Чернобыле? И самое главное — что все-таки будет с атомной энергетикой дальше?

— Я убежден — атомная энергетика будет развиваться. Это не просто моя личная оптимистическая точка зрения. Без атомной энергетике не обойтись: мазута миру не хватит. Но нужно, чтобы застраховаться от аварий, существенно усовершенствовать те реакторы, которые мы ставили.

— Но ведь давно предупреждали, что защита реактора и сам реактор не совсем надежны.

— Где и кто предупреждал? Реактор считался самым совершенным. Только после аварии стали кричать: «Мы же говорили». А там не было защиты только от дурака, задумавшего отключить защиту ради своего эксперимента. Ведь у нас же в стране этих реакторов РБМК, только действующих, на 14 миллионов киловатт на разных станциях. А чернобыльский — всего на один миллион киловатт. И никогда с этими реакторами никаких крупных неприятностей не было. Дико звучит, но это так.

Помню, как рассматривался этот проект. Его выполняло конструкторское бюро академика Доллежале. Заметили, что сделаны чересчур короткие управляющие стержни. Мы рассмотрели эту проблему подробно. И учли все замечания — когда еще до чернобыльской делали другую атомную станцию...

— Курскую?

— Да, курскую. Там мы полностью защитили реактор от неприятностей. А на следующей станции, чернобыльской, этого не сделали... Вся беда в том, что стержни были, наверное, уже изготовлены и жалко стало их выбрасывать.

Может, были и другие причины, но их как-то не видно. К сожалению, когда станцию строили, я там ни разу не побывал. Меня к тому времени сделали президентом Академии наук. И работы стало еще больше.

Смутные времена для ядерщиков

— Для вас наступили смутные времена. А сейчас, когда у нас в стране нет денег на науку, из нее начался массовый исход. Уезжают ученые, чувствующие, что они себя еще могут реализовать за пределами обнищавшей страны. На них за границей спрос. На математиков, физиков-теоретиков, ядерщиков, технологов, биофизиков. Наши в цене. Им предлагают контракты там, а здесь закрывают исследования и сворачивают производство. А ведь они могут поехать и в страны третьего мира. Увезти туда звенья технологических секретов, которые могут воплотиться именно в боеголовки.

— Если мы не удержим в своих руках ядерные секреты, материалы и технологии — возникнет огромная опасность для всего мира. Я считаю, что без насильственного пресечения здесь не обойтись. Конечно, ничего страшного нет в том, что кто-то из наших куда-то поедет, но при условии, что он человек порядочный и честный. Чего бы его не пустить, если мы в нем уверены! Пусть едет! Но все-таки с тех, кого мы выпускаем, надо брать подписку и предупреждать, что в случае чего ему могут угрожать крайне серьезные неприятности. Как иначе обезопаситься, я не знаю.

— Но за ядерные мозги предлагают хорошие деньги.

— Никакие деньги не оправдают передачи секретов.

— Сотрудники вашего института тоже получают приглашения из-за границы?

— Я теперь не обычный директор, а почетный — по возрасту. Поэтому есть дела, о которых я знаю, а об иных — нет. Вам бы поговорить с кем-нибудь из действующих руководителей.

Отступление корреспондентов

Как и было рекомендовано, мы получили разъяснения от двух действующих руководителей.

Андрей Юрьевич Гагаринский — доктор физико-математических наук, замдиректора Курчатовского института:

— Я не знаю случаев отъезда наших специалистов в государства третьего мира. Люди едут в ведущие страны. Сейчас у нас модно ругать себя, называть себя отсталой страной. А мы обладаем ядерными технологиями, которые интересны для самых передовых ученых.

Жизнь ядерщиков такая же, как у всех. Структурная перестройка. Конверсия. И страшный послечернобыльский синдром, из-за которого на нас смотрят, как на париев. Итог — в нашем институте финансирование в конце года было сокращено почти вдвое. Деньги просто забрали на другие нужды. А мы — ведущий научный центр. Люди бьются над тем, как им жить. Молодые уходят в бизнес. Но тем, кто уже что-то сделал в науке, — как им расстаться с интеллектуальным добром, которое они нажили?

При всем глубоком уважении к Анатолию Петровичу я не могу согласиться с тем, что можно чего-то добиться насильственно. С помощью КГБ — или как это ведомство теперь называется? — запрещать или ограничивать выезд? Так можно договориться до колючей проволоки. Но не та теперь жизнь в стране. Надо помогать людям зарабатывать деньги здесь. Чтобы можно было получать зарплату и в рублях, и в долларах. И иметь возможность жить по-человечески.

Когда мы командировали сотрудника за рубеж, то держим для него место, рассчитываем на него, на его новый опыт. Иногда, контракты продлевают, но все делается по-человечески. Хотя бывает всякое.

Один специалист из нашего института поехал в Германию, в Карлсруэ, для совместной работы. Получил всю информацию, на которую рассчитывал, передал нашу, освоил все, чему там учили, и решил остаться. Фирма отказалась оставить его у себя. Кто он? Политэмигрант? Какой он в нынешних условиях политэмигрант. Он не смог найти себе работу ни на фирме, ни вообще в Германии. Ибо он человек, который нарушил контракт, им подписанный. Нарушил честное слово. Последнее, что я о нем слышал, — он искал работу где-то в Южной Африке. И все-таки согласитесь, что естественнее, когда человек безбедно

Золотая медаль имени И.В. Курчатова и обратная сторона медали до и после 1991 года

живет дома. Уезжает и приезжает обратно.

— А из стран третьего мира ваших сотрудников приглашают?

— Из нашего института нет. У нас есть связи с Ливией, Южной Кореей, Индией, но это чисто коммерческая деятельность. Налаживаются научные и коммерческие контакты с Сирией и Китаем. Мы ищем заказы. Деньги нужны, понимаете. Но все это из другой оперы, не из той, что вас интересует.

А что до ваших тревог, то существует договор о нераспространении ядерного оружия, и он многих сдержал за эти годы. Надо четко понимать, что здесь не научная, а политическая ситуация — самое главное.

Виталий Иосифович Гольдамский — академик, директор Института химической физики:

— Поставим точки над «i». Пока в страны третьего мира от нас никто не уехал и технологических секретов не увез. Но это может произойти в любой момент. Это во-первых.

Во-вторых. Для создания ядерного оружия — типа хиросимской бомбы наши специалисты и секреты не нужны. Все это давно уже вопрос техники. И потому такое оружие, увы, видимо, есть у нескольких стран третьего мира.

В-третьих. Опасна утечка технологических секретов ядерного оружия второго и третьего поколений.

Второе поколение — это термоядерное оружие, которым, возможно, уже владеет Израиль, там сильные ядерщики, и соседи этой страны не случайно проявляют известную опасливость. Оружие третьего поколения, разрабатывалось, в частности, по программе СОИ. Оно направленного действия, трансформирующее ядерный

взрыв в излучение, способное одномоментно вывести из строя все электронные, в том числе компьютерные, системы «противника».

С прекращением противостояния сверхдержав программа СОИ актуальность утратила, но проблема расползания ядерных технологий не исчезла.

Решения возможны только политические.

Тайны академического двора

— Анатолий Петрович, судя по некоторым публикациям, у вас были сложные отношения с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

— Ничего особенного в них не было. После смерти Курчатова учредили медаль в его память, создали комиссию, которой поручили присуждать эти медали. Меня сделали председателем комиссии и по моему же предложению ввели в ее состав Сахарова, потому что он был лучшим знатоком всех этих оружейных дел.

У Сахарова было два периода в его жизни. Первый — с первой женой. Они жили в Москве рядом с институтом, но еще подолгу и в Арзамасе-16. Его жена была очень привлекательная, общительная. Мы к ней относились очень хорошо. Потом она умерла. И через какое-то время появилась новая жена, Елена Боннэр. Она мне не очень понравилась. Сахаров стал страшно активный. Раньше он такой активностью не обладал.

— Его книгу «О стране и мире» вы читали?

— Почти всю прочитал. Но я с Андреем Дмитриевичем довольно скоро разошелся. Он вышел из комиссии.

— Некоторое время назад журнал «Огонек» опубликовал письмо Андрея Дмитриевича Сахарова, которое он написал вам в 80-м году, сидя в Горьком. Из этой публикации не ясно, ответили ли вы на его письмо.

— Вот вы говорите, «сидя в Горьком». Довольно много людей живут в Горьком и не считают это местом ссылки. Или возьмите Арзамас-16 — это куда более глухое место.

— Но ведь то была же официальная ссылка, принудительное поселение.

— Это верно, поселение было принудительное. Насколько помню, я тогда в Совет Министров обратился. Мол, надо бы Сахарова освободить от такого принудительного пребывания. Но не могу сказать, что приложил все силы на эти хлопоты. Мне была не очень понятна его позиция. Но мы настаивали на сохранении Сахарова в составе Академии. Между прочим, по этому поводу у меня был довольно серьезный разговор с Устиновым, который впоследствии занял по отношению к Сахарову более благоприятную позицию.

— Тогдашние начальники настаивали на исключении Сахарова из Академии?

— Поднимали такой вопрос, но не настаивали. Я считал, что исключать Сахарова из Академии ни в коем случае нельзя. И наша позиция пересилила.

— Вот это очень интересно — во все времена Академия умудрялась сохранять свою независимость. В критические моменты ее члены умели спланировать отстаивать то, что считали действительно важным. Но вы, многолетний ее президент, скажите, как Академия изнутри реагировала на постороннее и порой некомпетентное вмешательство? Была ли она защищена, например, от Отдела науки ЦК, который возглавлял Трапезников?

— С его стороны я никакого давления не ощущал. Конечно, были сложности, что-то из наших дел постоянно кому-то не нравилось. То Ванникову, то Трапезникову. Но и нам, бывало, не нравилось их поведение, их правила игры. Они практически прервали наши связи с зарубежными коллегами. Госбезопасность боялась, что секреты уйдут за кордон. А мы видели, что некоторые работы у нас стопорятся, потому что главные разработки идут как раз за рубежом. Вычислительная техника особенно сильно у нас пострадала.

— Лично вы на себе ощущали давление?

— Бывало. Особенно в период выборов. В конечном счете всегда был контроль, и не только контроль, следовали правительственные указания какие идеи надлежит развивать. Но никогда не было такого, чтобы вдруг — ну, кроме лысенковских дел — какие-то направления в науке закрывали, потому что правительству они неуютны.

— Можно ли так вас понять, что выполняющая правительственные установки, Академия работала в основном на ВПК?

— Это не так. Военные разработки занимали в Академии только четверть всех работ. Если посмотреть на другие страны, то, по-моему, там дело обстояло так же. Но, естественно, военно-промышленный комплекс внимательно следил, чтобы все шло, как записано в планах. Да и мы сами чувствовали за это ответственность — очень серьезную.

— Верхи корректировали ваши программы сильно?

— У меня с Устиновым бывали довольно серьезные разногласия. Но, тем не менее, мы всегда приходили к какому-то соглашению. Он боялся того, чтобы дело определялось именно его решением. Потому что результаты могли быть такими, что потом придется раскаться. Он старался пойти на мировую, как-то ладить. И это всегда бывало честное согласие.

— После Устинова вы знали тех, кто возглавлял ВПК? Смирнова, Бакланова?

— Конечно.

— Как складывались ваши отношения?

— Вполне прилично.

— Анатолии Петрович, сейчас стало широко известно, что сотрудники самых разных команд: от Телерадио до МИДа — были людьми КГБ. Скажите, много ли таких было в Академии наук?

— Не думаю, чтоб очень много, но, вероятно, были.

Интервью 1992 года.

Борис РУДЕНКО

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

На вопросы корреспондента газеты «Современно секретно» Бориса РУДЕНКО отвечает бывший разведчик Михаил ЛЮБИМОВ

Б. Р. Откровенно говоря, нас изумила столь бурная реакция некоторых физиков на утверждение Судоплатова о том, что появлением нашей атомной бомбы советская наука обязана в основном НКВД, мобилизовавшему на это дело и Оппенгеймера, и Сцилларда, и Ферми. После ряда публикаций на эту тему с легкой руки группы физиков наше издание превратилось в «антиинтеллектуальный центр» и чуть ли не в гонимый науки. Разве не странно?

М. Л. Конечно, физики обратились не по адресу: науку разрушают не статьи и телепередачи, а правительственная политика. Видимо, в этих условиях накопилось много страстей, которые на нас и выплеснули. Мне кажется, вопрос о том, кто больше дал державе — разведка или наука, — давно бы следовало перевести в другую плоскость: а что это была за держава и стоило ли ее оснащать таким страшным оружием? На этот вопрос ответил Солженицын в своей первой версии «В круге первом»: там дипломат и разведчик Володин из телефонной будки звонит в американское посольство и предупреждает о предстоящей встрече с американцем, который передаст советской разведке атомные секреты.

Б. Р. В свое время меня это тоже поразило, тем более что Солженицын — истинно русский патриот. Даже сегодня вряд ли многие одобряют поступок Володина, а уж тогда МГБ сразу начало розыск его по голосу...

М. Л. Тогда и сейчас распространена теория, что если бы мы не противопоставили американцам атомную бомбу, то Советский Союз был бы уничтожен. Эта точка зрения столь же правомерна, как и противоположная: никакого «завоевания» не произошло бы. Наоборот, Сталин не пошел бы на обострения с Западом, возможно, даже принял бы и план Маршалла и, уж конечно, не стал бы крушить многопартийные режимы в Восточной Европе и реализовывать свои экспансионистские планы. Вряд ли мы имели бы войну в Корее, триумф коммунистической революции в Китае и многое другое. Сейчас, по сути дела, во многом мы платим за грехи прошлого (и за нынешние глупости тоже) и еще будем платить и за гонку ядерных вооружений, и за поруганную природу. Самое печальное, что наша внешняя экспансия, все наши захваты нас только ослабили. Стоит тут позавидовать и англичанам, и французам, которые изрядно нажились на своих колониях. У нас же все наоборот.

Б. Р. Значит, вы не допускаете, что без атомной бомбы Советский Союз стал бы жертвой Запада?

М. Л. Если бы Запад хотел свалить советский режим, он продолжал бы поддерживать белое движение и не признавал бы большевиков. Но это требовало материальных затрат, да и мировой коммунизм в то время был достаточно шумен. Запад любит комфорт и ненавидит жертвы. Подумать только: как ловко толкнули Гитлера после мюнхенского соглашения на нас, дураков: в результате поглотили 40 миллионов, спасли Европу от фашизма, а англичане и американцы потеряли в войне всего лишь по полмиллиона, зато сейчас в Европе памятники нашим героям сносят, Запад празднует годовщины побед, а нас даже не приглашают.

Б. Р. Но все-таки Запад выиграл «холодную войну»?

М. Л. Смех! Так считают ЦРУ, Пентагон и прочие, которым очень хочется выглядеть победителями. И, конечно, часть наших радикал-демократов и прессы. Какая победа?! Может, Запад вмешивался в ход восстания в Венгрии в 1956 году, в восстания в Восточной Германии и Польше? В собы-

Разведка или наука?

В продолжение темы об отцах ядерной бомбы

тия в Чехословакии в 1968-м? В Польше в начале 80-х? Сидели и помалкивали в тряпочку. Я не говорю, что они должны были пойти на военные действия, но хотя бы экономические и другие санкции приняли бы! Сейчас поляки возмущены, что наши дивизии не оказали помощи Варшавскому восстанию. Правильно возмущены, хотя стоило бы подумать о почти миллионе русских, погибших за Польшу. А почему бы всем нынешним восточноевропейским демократиям не высказать свое «фэ» Западу, который не только заложил их Сталину во время раздела сфер влияния на Ялтинской конференции, но и все годы «холодной войны» лишь позорно трепетал от страха? Даже серьезных нажимов на СССР не было, наоборот, обнимались и даже целовались, как Брежнев с Картером.

Б. Р. Ходит тезис, что гонка вооружений истощила Советский Союз и стала причиной перестройки.

М. Л. Гонка вооружений только укрепляла военно-промышленный комплекс, на который опирался режим. Гораздо больший урон коммунизму нанесла борьба за права человека, либеральные идеи, подтопившие тверδοкаменную идеологию. Вся перестройка шла сверху, по инициативе

Горбачева и его ближайших сподвижников, Запад сначала онемел от неожиданности, потом стал слабо поддакивать. Даже самые гениальные головы в ЦРУ (да и в КГБ) не прогнозировали такого развития событий. Ну а кто не помнит некоторое смятение, охватившее Запад сразу после августовского переворота 1991 года? Будьте уверены, если бы он удался, Запад, чуть-чуть поершившись, протянул бы руку гэкэчепистам. Сейчас многие западные политики и шефы разных ведомств пытаются подат своих героических (и, конечно, запланированных) усилий. Я много читал разных американских секретных планов, предусматривающих «раздувание национальных противоречий», «усиление конфликтов» и т. д., но должен сказать, что и в КГБ планов по развалу НАТО или по усилению этнических противоречий в США было навалом. Жизнь, как правило, имеет мало общего с планами.

Б. Р. Так кто же прав в споре о приоритете и создании атомной бомбы — физики или разведчики?

М. Л. В свое время в совсекретном учебнике внешней разведки черным по белому было записано, что разведка играла важ-

ную, но вспомогательную роль. Это и сейчас подтверждает СВР. Кроме того, читая Судоплатова, следует помнить, что разведка (возможно, как и наука) склонна к очковитирательству, тем более что в условиях тоталитарного режима это легко сходило с рук. Кадровый разведчик или агент могли встретиться и побеседовать и с Оппенгеймером, и с Ферми, которые и понятия не имели, с кем беседуют, а потом дать им по кличке, умело подать информацию наверх и отлить свои дела в бронзу. Я, например, с хохотом читал материал Терлецкого о встрече с Нильсом Бором, там в каждой строчке проступает вся кондовость операции: Терлецкий — не специалист в вопросах атомной бомбы, его натаскивает Курчатов, иностранного языка Терлецкий не знает, вопросы к Бору записываются на бумажку по-английски (ученому придают переводчика — офицера НКВД), наконец, встреча с Бором (интересно, о чем он думал, глядя на всю эту комедию, от прямых ответов, во всяком случае, уклонялся), полковник Василевский на шухере за рулем машины у дома (интересно, чего он ожидает? налета полиции? и что будет делать? предупреждать Бора? Терлецкого? стрелять?), из Бора вытягивают что-то, сам Терлецкий не склонен преувеличивать успех своей миссии. Но что? Повлияет ли это на работы Курчатова? Этого мы не знаем. Зато я знаю, что, по карьерной логике (помягче — служебной), Судоплатов подаст всю эту поездку к Бору как колоссальный успех, Берия будет доволен и расскажет обо всем Иосифу Виссарионовичу. И Курчатов не посмеет поставить под сомнение успех поездки, ибо он, как и другие ученые, всего лишь подневольный в Системе. Попробуй пикнуть против органов! Фактор подневольности науки играл существенную роль при оценке научно-технических материалов, полученных КГБ: редко кто стремился дать им объективную оценку или, не дай Бог, отвергнуть. Долгое время в КГБ распространялось мнение, что наша научно-техническая разведка не только окупает себя, но и содержит и весь КГБ, и еще ряд министерств. Уверен, что по статистике все именно так, удивительно только, почему до сих пор в промышленном отношении мы не догнали и не перегнали Запад?

Б. Р. А как вы смотрите на проблему влияния КГБ на политические события?

М. Л. Весьма скептически, если это касается крупномасштабных событий. Конечно, разведка может инспирировать статьи, фильмы, фальшивые документы, политические заявления, она может «присосаться» к событиям, внести свою лепту. Однако разведка (как и ЦРУ сейчас в вопросе о победе в «холодной войне») всегда склонна преувеличивать свою роль, превращать себя чуть ли не в единственную движущую силу. Помните у нас в газете очень интересную статью генерала Павлова о том, как наша разведка втягивала США в войну с Японией. И меморандум Танака добыли и подбросили американцам, и юный Павлов прибыл в США, встретился с крупным дипломатом Уайтом, передал ему «тезисы», которые потом якобы легли в основу резкой американской ноты Японии, — вскоре после этого японцы напали на Пирл-Харбор. Я не ставлю под сомнение успехи тогдашних профессионалов, мне просто кажется, что причины, породившие вхождение США в войну, лежат гораздо глубже и, наверное, их всех и не перечислить. Но, наверное, какая-то наша капля там есть. Впрочем, я очень верю и в случайность, которая вдруг начинает раскручивать огромные разжимающиеся пружины, — взять хотя бы выстрел в эрцгерцога Фердинанда, который привел к первой мировой. Вообще после распада СССР и всех событий в нашей стране у меня все больше формируется взгляд на историю как на хаотическое скопление неуправляемых и непредсказуемых явлений, которые грудой катятся по кругу. Пенятся монбланы человеческих воль, утверждающих себя в своих амбициях, и весь этот водоворот именуется историей, и чем это все закончится, никто на земле не знает. ■

Спор об отцах атомной

Были ли наши ученые на переднем фронте в истории создания атомного оружия или находились на задворках, ожидая подсказок из ведомства Берия?

Книга Павла Судоплатова «Специальные задания», изданная в США, в свое время вызвали острую полемику в научных кругах. И у нас, и в Соединенных Штатах.

Напомним вкратце. Суть утверждений П. Судоплатова сводилась к тому, что лишь благодаря нашей разведке, выкрывшей у американцев ядерные секреты, Советскому Союзу удалось создать свою атомную бомбу, не отстав от потенциального противника на десятки лет. И все это, дескать, настолько разложило нашу науку и ее лидеров, что Чернобыль стал едва ли не естественным результатом.

Действительно ли «отцы» американской атомной бомбы, великие Нильс Бор,

Энрико Ферми, Лео Сцилард, Роберт Оппенгеймер, Георгий Гамов и другие, были поголовно агентами Берия, подобно разоблаченным супругам Розенберг и Клаусу Фуксу? В самом ли деле наша отечественная наука оказалась столь хила и малоталантлива, что единственной возможностью выжить было слепое «слизывание» добытых шпионами и агентами чертежей и технологий, а знаменитые советские академики — лишь дутые авторитеты, развращенные постоянными подсказками разведки и беззастенчивой эксплуатацией своих намного более молодых и талантливых подчиненных?

Запад ответил определенно. «Те, чья репутация была задета (книгой Судоплатова. — Ред.), уже умерли и не в состоя-

нии защитить себя, но это не означает, что проблема исчерпана и историю можно переписывать по собственному произволу», — писал журнал «Нейчур», категорически отвергая обвинения в адрес выдающихся ученых попросту за полным отсутствием каких-либо доказательств, кроме утверждений самого Судоплатова.

Мнение российских ученых на этот счет высказывает на страницах газеты академик Российской Академии наук Виталий Иосифович ГОЛЬДАНСКИЙ.

Вопрос стоит таким образом: были ли наши ученые на переднем фронте во всей этой истории создания атомного оружия или находились на задворках, ожидая подсказок из ведомства Берия?

Разумеется, нельзя отрицать, что сведения, полученные разведкой, представляли большой интерес и позволили сэкономить какое-то время. Но какое именно? Об этом дают возможность судить такие данные. Наше первое испытание, как известно, состоялось 29 августа 1949 года. И как описал академик Ю.Б. Харитон в своей статье в «Известиях», взорванная тогда бомба была действительно сделана по американскому образ-

Оппенгеймер, Энрико Ферми
и Эрнест Лоуренс.

цу. Но всего лишь через два года после первого взрыва, осенью 1951-го, произошли испытания двух совершенно оригинальных отечественных конструкций. В книге Судоплатова говорится, что разведка сэкономила нашим ученым чуть ли не двадцать лет. Факты же свидетельствуют, что всего лишь два года отделяли нас от собственной атомной бомбы. Кстати, ни Судоплатов, ни его соавторы и единомышленники нигде не утверждают, что наши последующие атомные бомбы также являлись копией американских.

Что же касается водородных бомб — а это следующий, решающей важности этап в истории атомного оружия, — то водородная бомба, как таковая, была впервые создана в СССР. В 1952 году американцы взорвали на атолле Эниветок громадную стационарную термоядерную установку. Этот первый термоядерный взрыв не имел принципиально не мог иметь военного значения. Вообще в течение многих лет

бомбы продолжается

американцы в своих работах по созданию водородной бомбы шли по пути, который оказался тупиковым. Если бы наши ученые пользовались данными разведки, поставившимися вплоть до ареста Клауса Фукса в начале 1950 года (когда ошибочность американских расчетов еще не стала ясной), а не собственными соображениями, то они попали бы в своеобразную ловушку, потеряв уйму сил и времени. Но события развернулись по-иному, а не так, как это пытаются представить Судоплатов и Белоконов.

Предоставим слово академику Ю.Б. Харитону: «Первый в мире реальный водородный заряд с использованием термоядерных реакций, готовый к применению в виде бомбы, который по мощности примерно в 20 раз превышал бомбу, сброшенную американцами на Хиросиму, был испытан в Советском Союзе в 1953 году. Автором этого заряда был А. Сахаров. В этом заряде уже использовалось перспективное термоядерное горючее (дейтерид лития. — В. Г.), которое американцы применили в испытаниях 1954 года. Этот вид горючего был предложен еще в 1948 году В. Гинзбургом... В 1955 году в СССР был испытан водородный заряд с использованием принципиально новых физических идей, которые применялись и в дальнейшем... Можно назвать ученых, чей вклад в создание этой новой конструкции водородного заряда был определяющим. Это А. Сахаров, Я. Зельдович, Ю. Трутнев».

Смело можно утверждать об огромной роли советской научной школы в создании ядерного оружия прежде всего потому, что сама идея о разветвленных цепных реакциях — основном принципе ядерного взрыва принадлежит советскому ученому Н. Семенову. Как известно, именно за создание теории протекания таких реакций в химии он получил Нобелевскую премию. А экспериментальное открытие химических реакций этого класса совершил еще в 1926 году не кто иной, как ученик Семенова Юлий Борисович Харитон.

В 1940 и 1941 годах задолго до того, как начала функционировать лаборатория в Лос-Аламосе, — появились статьи Зельдовича и Харитона о механизме деления ядер урана. Эти статьи стали классическими в науке. Именно в них были впервые рассчитано и примерное количество урана для возникновения цепной реакции; указано, что это должен быть не природный уран-238, а его изотоп уран-235 и что в качестве замедлителя реакции нельзя использовать вещества, поглощающие нейтроны, — обычная вода, скажем, не годится. Если эти теоретические статьи и не полдела, то как раз та самая почва, без которой никакие зерна, бросаемые разведкой, прорасти не могут.

Странно слышать о том, что наша наука уступила американской хотя бы потому, что каждый из участников ядерного проекта — Семенов, Курчатов, Харитон, Кикоин, Зельдович, Ландау и многие, многие другие — самоченен как выдающийся ученый, имеющий огромную известность в мире. Каждый из них и вне связи с созданием атомного оружия имеет громадное научное наследие в самых различных областях человеческого знания. Пытаться опровергнуть это, мягко говоря, смешно, хотя напрашиваются другие слова.

И все же, несмотря ни на что, наша первая атомная оказалась «американской».

Чтобы понять, почему это произошло, нужно ясно представлять себе условия, в которых работали тогда наши физики. Все они — и Харитон, и Курчатов — прекрасно понимали гигантскую угрозу, нависшую в случае неудачи над ними и над всей физикой. Хотя лишь много позже мы узнали, что к испытаниям бомбы были заранее подготовлены два проекта приказа: на случай удачи и на случай провала. Если по первому списку одни получали Звезду Героя, то по второму их ждал расстрел. Другие — орден Ленина или 25 лет лагерей,

Игорь Васильевич Курчатов — «отец» советской атомной бомбы.

третьи — орден Трудового Красного Знамени или же 10 лет и так далее. На замену репрессированным уже была готова вторая команда физиков, состоявших в основном из числа ученых МГУ, отличившихся яростным обличением космополитизма и завоевавших тем самым поддержку «верхов» вплоть до ЦК КПСС. Смешно вспоминать, но именно в недрах этой группы появился вдруг некий авантюрист, кажется, по фамилии Знойко. Этот никому не известный инженер предложил взамен Периодической системы элементов Менделеева свою собственную и на основании этого заявил, что имеет право лично давать имена новым трансурановым элементам, категорически протестуя против «американских» названий — америций, берклий, калифорний... Нобелевский лауреат Глен Сиборг никогда не слышал имени Знойко, но по-своему ответил на этот бред, назвав открытый им 101-й элемент в честь великого российского химика менделеевием. Не только кибернетика и генетика были обременены лженауками. В ряд «идеалистических извращений» попали уже и теория относительности, и квантовая механика. Полуграмотные блюстители партийных устоев и в физике собирались навести порядок, как в биологии. В ЦК КПСС готовилось совещание по идеологическому обеспечению отечественной физики.

Поэтому наши ученые, желая стопроцентной гарантии удачи, и пошли на американский вариант. Именно поэтому я утверждаю, что успешный взрыв в августе 1949 года спас советскую физику.

В последнее время то здесь, то там я вижу попытки вновь поднять роль Берия в нашей истории. Его объявляют великим организатором советского ядерного про-

екта. Утверждают даже, что созданием бомбы чекисты искупили свои довоенные грехи. Действительно, у Берия была огромная власть и огромные возможности. Но как же можно забыть, что эта власть, эти возможности держались на колоссальной армии заключенных. Десятки, если не сотни тысяч эзков в это время погибали, добывая уран на урановых рудниках.

В книге «Воспоминания о Семенове» описан один интересный момент. Наш институт отвечал за испытательный полигон под Семипалатинском. В институте полигон условно назывался «Лимония». Упоминать озеро Балхаш, город Семипалатинск было почти приравнено к измене Родине — упаси Бог! Директор института Николай Николаевич Семенов бывал там с инспекционными поездками. А когда наступил август 1949 года, Берия внезапно запретил Семенову появляться на полигоне. Более того, всех наших сотрудников вызывали и инструктировали: Семенову ни слова, чтобы он о результатах испытаний не знал. То есть своему руководителю, директору института — ни слова! Это было непонятно и дико. Оказалось же, что Семенов незадолго до испытаний встретился со своим давним другом и коллегой — опальным Петром Капицей, которого Берия ненавидел и только из-за личного запрета Сталина не мог «стереть в лагерную пыль».

Несмотря на огромные потери, несмотря на то что тысячи талантливейших ученых были репрессированы или уничтожены, советская наука уцелела. Но вряд ли можно отнестись это к заслугам Берия...

Неизбежный вопрос: что случилось бы, если бы те же разведанные попали не в СССР, а в другую страну? Означало ли бы это, что получивший из рук разведки ядерный секрет автоматически сделался бы в то время обладателем атомной бомбы?

Разумеется, нет. Я утверждаю, что попади эти сведения в государство, где уровень науки был ниже, они бы ровным счетом ничего не дали. По шпаргалке атомную бомбу построить нельзя.

В XX веке наука совершила за исторически короткое время огромный качественный скачок. И тогда же началось широчайшее проникновение шпионов в науку — этим тоже, кстати, XX столетие отличается от предыдущих. Но вторжение шпиона в науку само по себе не в состоянии обеспечить ни опережение противника, ни даже возможность догнать его. Нужна почва, интеллектуальный гумус. С пятидесятих годов мы живем в эпоху необычайной индустриализации науки. Академик Несмеянов сравнил развитие науки с боем за овладение зданием: прорыв на новый этаж и затем — распространение по этажу. Сегодня такой прорыв становится, как правило, под силу лишь коллективам. Поэтому никакие шпионские достижения ничего не дадут, если в стране нет научного сообщества, которое в состоянии совершить прорыв.

Самая распространенная в советском народе шпионская легенда семидесятых годов гласила, что вот Пеньковский продал все наши ракетные секреты американцам и поэтому они нас опередили. Но представьте себе, что Пеньковский продал секреты не Америке, а Аргентине!

Мне могут возразить: но американцы нас все же опередили! Да. Но это произошло отнюдь не случайно. В свое время американцы очень болезненно переживали свое отставание — в самом деле, запуск нашего спутника в 1957 году был одним из величайших достижений человечества. Забавно, но вскоре после этого запуска академик Л.А. Арцимович мне жаловался: «Теперь стало трудно посылать людей в командировку в Соединенные Штаты. Я хочу кого-нибудь послать, а мне возражают: зачем нам ехать в Америку? Это же дикая страна. Там ничего, кроме виски и ковбоев, нет». Такие вот царили шапкозакидательские настроения... Они всегда пагубны для науки. В определенных кругах издавна бытовало военно-прикладное отношение к науке. Не вовсе запрещать, но исключительно «чтобы в батальи супротив неприятеля ущерба не претерпеть» — это из Салтыкова-Щедрина.

А национальное самолюбие Америки было действительно ущемлено. Американцы в то время придавали колоссальное значение изучению советской системы образования и всего, где они могли видеть свое отставание от нас. Они не задумываясь отбирали и внедряли у себя лучшее. Их страстное желание и стремление к реваншу и помогли им вырваться вперед в гораздо большей степени, чем предатель Пеньковский.

Шпион может принести огромный ущерб своей стране. Он может принести большую пользу неприятелю и даже сыграть значительную роль. Например, когда выдает оперативный план решающего наступления. Да, в этом случае он может принести гибель десяткам тысяч людей и победу неприятелю — но не в войне, а в битве, в сражении.

Но я не представляю себе ситуацию, чтобы в такой же степени решающую роль играл шпион в гонке в области науки.

Когда Е.М. Примакова назначили начальником службы внешней разведки, один из его коллег-академиков заметил: хорошо, что наконец-то у нас академик командует разведчиками, а не наоборот. Наверное, в этой шутке заключено гораздо больше смысла, чем может показаться с первого взгляда. ■

АКАДЕМИК ПЕТР КАПИЦА

Павел РУБИН

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

«О вреде, приносимом цензурой...»

С цензурой, просматривающей иностранные издания и решающей, пропускать их к нашему читателю или не пропускать, Петр Леонидович Капица столкнулся осенью 1934 года, когда после многих лет жизни в Кембридже приступил к работе на родной земле.

16 января 1935 года он пишет заместителю Председателя СНК СССР В.И. Межлауку: «Вчера позабыл с Вами поговорить о следующих вопросах. Дело в том, что мне присылают два английских еженедельника, без сомнения, Вам хорошо известных: «The Manchester Guardian Weekly» и «The New Statesman and Nation». Также изредка книги. Цензура их то пропускает, то не пропускает. Конечно, я получаю их для личного пользования, и поэтому нельзя ли попросить цензора быть менее строгим?»

Менее строгим цензор не стал. «Казалось, следовало бы учесть, что я прожил 13 лет за границей и нет надобности нарушать так резко моих привычек, — настаивает Капица в письме к Молотову 7 мая того же года. — За границей в продолжение ряда лет я читал всегда два еженедельника: «The Manchester Guardian Weekly» и «The New Statesman» — самая левая и независимая английская печать. Но когда я просил позволения на то, чтобы их мне пропускали, оно мне не было дано».

Бдительность цензуры в те годы (да и в любые другие) была порой просто фантастической, а ее действия — непредсказуемы. В конце 1935 года, например, она задержала в ленинградском порту несколько ящиков с приборами кембриджской лаборатории П.Л. Капицы. Научное оборудование лаборатории благодаря содействию Резерфорда, у которого Капица работал с 1921 года, было приобретено Советским правительством для строящегося в Москве Института физических проблем. Отправкой оборудования занимался в Кембридже Джон Кокрофт, ближайший помощник Капицы, в будущем — глава Британской атомной комиссии. Поскольку в те годы не были еще созданы всевозможные полимерные материалы, англичане для упаковки приборов, отправляемых в Москву, использовали старые газеты. И цензор ленинградской таможни задержал все ящики с этим подозрительным грузом. Он собирался внимательнейшим образом исследовать все поступившие из Англии газеты, предварительно, конечно, аккуратно их разгладив. Приборов было много, они были очень ценные, поэтому газет англичане не пожалели, так что проверка их содержания могла затянуться на многие дни, а может, и недели. Конфликт удалось тогда каким-то образом уладить — то ли «вредные» газеты оставили на таможне, а приборы упаковали в наши родимые, советские, то ли цензор вдруг смиловился и — «в порядке исключения» — разрешил отправить «опасный» груз в Москву. Когда сотрудники Института физических проблем, выезжавшие в Ленинград встречать долгожданные приборы, рассказали Капице о своих злоключениях, он в тот же день позвонил в Кембридж Кокрофту и попросил впредь ничего в старые газеты не заворачивать. Он смеялся, конечно, рассказывая своему другу о ленинградском цензоре, но это был смех сквозь стыд.

Капица смехом не ограничивался. Со «смехотворными» действиями цензуры он боролся весьма решительно.

Я начал работать с Петром Леонидовичем в 1955 году, когда он вернулся в созданный им институт, из которого был изгнан Сталиным в 1946 году после конфликта с Берией. Директору Института физических проблем был нужен референт,

владеющий иностранными языками, и он предложил мне эту работу... Когда я заходил к нему иногда утром — он жил на территории института, — я часто заставал его у радиоприемника: после завтрака он всегда слушал выпуск последних известий Би-би-си (на английском языке, естественно). Это была привычка, укоренившаяся, по-видимому, на всю жизнь — как утренний зарядка.

В список зарубежных журналов, которые он просил Книжный отдел АН СССР выписать для него на 1956 год, он включил, понадеявшись на «оттепель», «Нью Стейтсмен энд Нейшн», «Экономист» и «Обсервер» (Англия) и «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт» (США). В президиуме АН СССР эти «политические» журналы были вычеркнуты. «Капица — физик, — было сказано, — пусть и читает по своей специальности». Петр Леонидович пошел к президенту, академику А.Н. Несмеянову. В такого рода делах последнее слово было за президентом. Убедить Несмеянова Капица не смог — время для такого рода «вольностей» еще не наступило. Ледяное дыхание предыдущих страшных лет то и дело прибывало к земле робкие ростки свободы и здравого смысла...

Через Книжный отдел АН СССР Капице впервые удалось выписать зарубежные общественно-политические журналы лишь в 1961 году. Весьма солидный «Форин Афферс» и очень реакционный, но насыщенный информацией «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт». Эти американские журналы Петр Леонидович выписывал до конца своей жизни.

В последние годы жизни Капицы в поступлении из-за рубежа периодических изданий наметились две как бы взаимоисключающие тенденции — все большие ограничения и большая как бы открытость. Приведу пример. В журналах, на которых цензор ставил «знак ограниченного пользования» (пресловутый шестигранник, в просторечье — «гайка»), но тем не менее «удалял» страницы с сомнительным, по его мнению, текстом (что-нибудь не очень, лестное о Л.И. Брежнев). Но вместе с тем шариковой ручкой писал на обложке журнала: «—3» или «—5». То есть сообщал вам без утайки, что изъят для вашей же пользы три или пять страниц.

В эти же годы была четко отработана процедура поступления (или непоступления) к советским ученым выписанных ими или на их имя зарубежных изданий.

В середине января в Книжный отдел начинали поступать выписанные Капицей зарубежные журналы. У меня была доверенность от Петра Леонидовича на получение иностранных изданий «со знаком ограниченного пользования». Я расписывался за секретные журналы и вез прямо на дом к Петру Леонидовичу. Если журналов пришло сразу очень много, он несколько номеров давал мне и говорил: «Просмотри и отметь все самое интересное». Что я и делал многие годы с большим, признаться, удовольствием и пользой для себя.

Теперь о журналах, поступающих на имя Капицы без посредничества Книжного отдела. Здесь очень многое зависело, по-видимому, от характера и прочих качеств цензора. Несколькими лет, например, Петр Леонидович получал «Нувель Обсерватор» на дом с обычной почтой. Открывает утром почтовый ящик, а там, рядом с «Правдой» и «Огоньком», лежит себе спокойно его любимый французский еженедельник. Без всякого, причем, цензурского знака, хотя сомнительных и даже просто предосудительных материалов в этом журнале бывало более чем достаточно, на «гайку» тянул почти каждый номер.

Долго так, естественно, продолжаться

Петр Капица, 1964 год

не могло — это было бы слишком хорошо! — и настал день, когда этот журнал вдруг исчез... Месяц его нет, второй... Будто его вообще никогда и не было.

Неужели нашего цензора уволили, думали мы. За либерализм уволили? А может быть, новые правила появились? Более жесткие и суровые.

Тут ведь сам Бог велел — есть «гайка», вот и закрутим ее еще на пару оборотов. Стоял гриф «секретно», поставим — «совершенно секретно».

В конце концов выяснилось, что «Нувель Обсерватор» Капицы стал от цензора поступать в спецхран Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Такой порядок был установлен новыми «Правилами» для журналов, поступающих в нашу страну «неположенным образом» и достойных «гайки».

В этом важном государственном деле, как видим, в последние застойные годы появился некоторый порядок. Четкость появилась и определенность.

Петр Леонидович Капица прилагал немалые усилия к тому, чтобы этого «порядка» и этой «четкости» не стало. Об этом свидетельствуют и те три письма «наверх», которые мы предлагаем вниманию читателей.

Зам. Председателя СНК СССР

В.И. Межлауку

19 ноября 1937, Москва

...Существует ряд журналов, как «Nature», «La Science la Vie» и др., в которых печатается все новое, что происходит в науке и в ученом МИРЕ. Эти журналы нам очень нужны, так как там очень быстро и кратко печатаются все новейшие открытия до того, как они полностью будут напечатаны в больших научных журналах. Кроме того, там дается отчет о всех конгрессах, съездах и дискуссиях.

За последние два месяца эти журналы перестали к нам доходить. Я справился, в чем дело, и узнал, что их задерживает цензура. На прошлой шестидневке я был в Ленинграде, и оказалось, что там цензор более разумный человек, и ленинградцы их получают. Уже то, что задерживают эти журналы, есть безобразие, но еще хуже, что это делается так нелепо. В Ленинграде я прочел эти номера и старался выяснить, почему цензор их задержал.

Например, в одном номере сказано, что на конгрессе в Париже, устроенном по случаю [Всемирной] выставки, поражающе полное отсутствие делегатов—представителей науки СССР. Ну что тут такого, чтобы запретить журнал?

Мы все знаем, что держат нас, как институты в закрытых учебных заведениях, и боятся, чтобы кто не лишил невинности или не похитил.

В другом номере отчет о дискуссии между Вавиловым и Лысенко, отчет составлен из опубликованных у нас стенографических записей. Я прилагаю его перевод. Как Вы видите, есть недружелюбные нотки, но что в этом удивительного? Зачем это скрывать от советских ученых?

Это мне напоминает рассказ про одного девятилетнего мальчика, который спросил отца: «Как я родился?» Отец ответил: «Тебя аист принес». Тогда мальчуган заявил: «Представьте себе, как мой папа плохо осведомлен в сексуальных вопросах». Так вот, цензор, по-видимому, разделяет отжившие взгляды этого папаша.

Я бы очень просил: либо 1) указать цензору, чтобы он пропускал для меня все указанные журналы, либо 2) если вы уж очень боитесь, чтобы я узнал, что мне ненужно

Семинар А. Ф. Иоффе в Петербургском политехническом институте (1916). Капица стоит крайний справа

знать, то пусть поступает, как прежние цензоры, и ставил бы черный штамп на соответствующих местах, они-то меня всего меньше интересуют. 3) Если это покажется хлопотно, то пускай мне скажут, и я сам напишу в редакции этих журналов, чтобы перед посылкой мне они сами бы затемняли все места, касающиеся СССР, и я уверен, что для меня они это сделают ...

Привет
П. КАПИЦА

Секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову
12 ноября 1945, Москва

Уважаемый товарищ Маленков!

Посылаю Вам номер журнала «Нейчур», зверски изуродованный нашей цензурой.

Как известно:

1) Согласно Устава Академии наук, книги и журналы академиков не подлежат цензурированию;

2) Видно, цензура чересчур низкого мнения о моральной устойчивости наших ученых и воображает, что есть такие сведения, которые могут совратить их с пути истинного;

3) Видно, что цензура настолько тупоголова, что не понимает, что советская страна настолько крепка, что никакие высказывания против нее ей не страшны, а только смешны.

Поэтому считал бы, что цензора надо наказывать и, согласно его способностей, посоветовал бы поставить [его] в угол на колени и на горох [и пусть] стоит до тех пор, пока не выучит наизусть три главы из Карла Маркса, а журнал в первоначальном виде вернуть мне.

Уважающий Вас
П. КАПИЦА

Члену Политбюро ЦК КПСС
Председателю Комитета Государственной безопасности СССР товарищу

Ю.В. Андропову

22 апреля 1980, Москва

Глубокоуважаемый Юрий
Владимирович!

Вместе с этим письмом посылаю Вам экземпляр моей книги «Наука — дело международное». Эта книга опубликована в Италии издательством «Эдитори реунити» по договору с ВААП. Она включает в себя перевод основных статей, опубликованных в моей книге «Эксперимент. Теория. Практика», которую я Вам посылал года два назад.

Причина, по которой я посылаю Вам итальянскую книгу, следующая. Это один из авторских экземпляров, присланных по почте издательством. Как Вы легко можете удостовериться, в этой книге отсутствуют первые 30 страниц, где было напечатано

предисловие под заглавием: «Petr Leonidovic Kapitz — scianziato umanista e rivoluzionario concreto», что в переводе с итальянского — «Петр Леонидович Капица — ученый, гуманист и революционер дела».

Это изъятие было сделано на почтамте цензурными органами.

В будущем году у нас выйдет в свет 3-е издание моего сборника «Эксперимент. Теория. Практика». Он публикуется также за границей на девяти языках. Но только итальянское коммунистическое издательство предпослало книге развернутое предисловие. Это предисловие, написанное коммунистом, философом товарищем Л.Л. Радиче, и было изъято нашей цензурой. О существовании этого предисловия я узнал только после выхода книги в свет.

Возникает вопрос: зачем нашей цензуре ограждать меня от знакомства с предисловием к моей книге, да еще написанном ученым коммунистом? (Достаточно посмотреть заголовки некоторых глав этого большого предисловия, в котором рассказывается о научной и общественной деятельности П.Л. Капицы, чтобы понять, почему оно не было «пропущено» тогдашней цензурой: «Гражданин Капица против сталинского произвола...» и «против какой-либо реабилитации Сталина», «За свободную дискуссию, против догматизма», «В защиту гражданских прав», «Прогресс требует свободы»... Есть в этом предисловии и ссылки на труды запретного в те годы Роя Медведева, позднее народного депутата СССР, в частности на его книгу «Сталинизм», опубликованную в 1972 г. миланским издательством «Мондадори» и с которой нас недавно познакомил журнал «Знамя». — П. Р.). Подобное делается у нас цензурой не раз. В иностранных журналах, которые я выпускаю через Книжный отдел Академии наук, часто бывают вырезаны целые статьи. Несколько раз я пробовал сам подписываться на газету «Монд» или журнал «Ньюсуик». Но очень быстро они совсем переставали приходить.

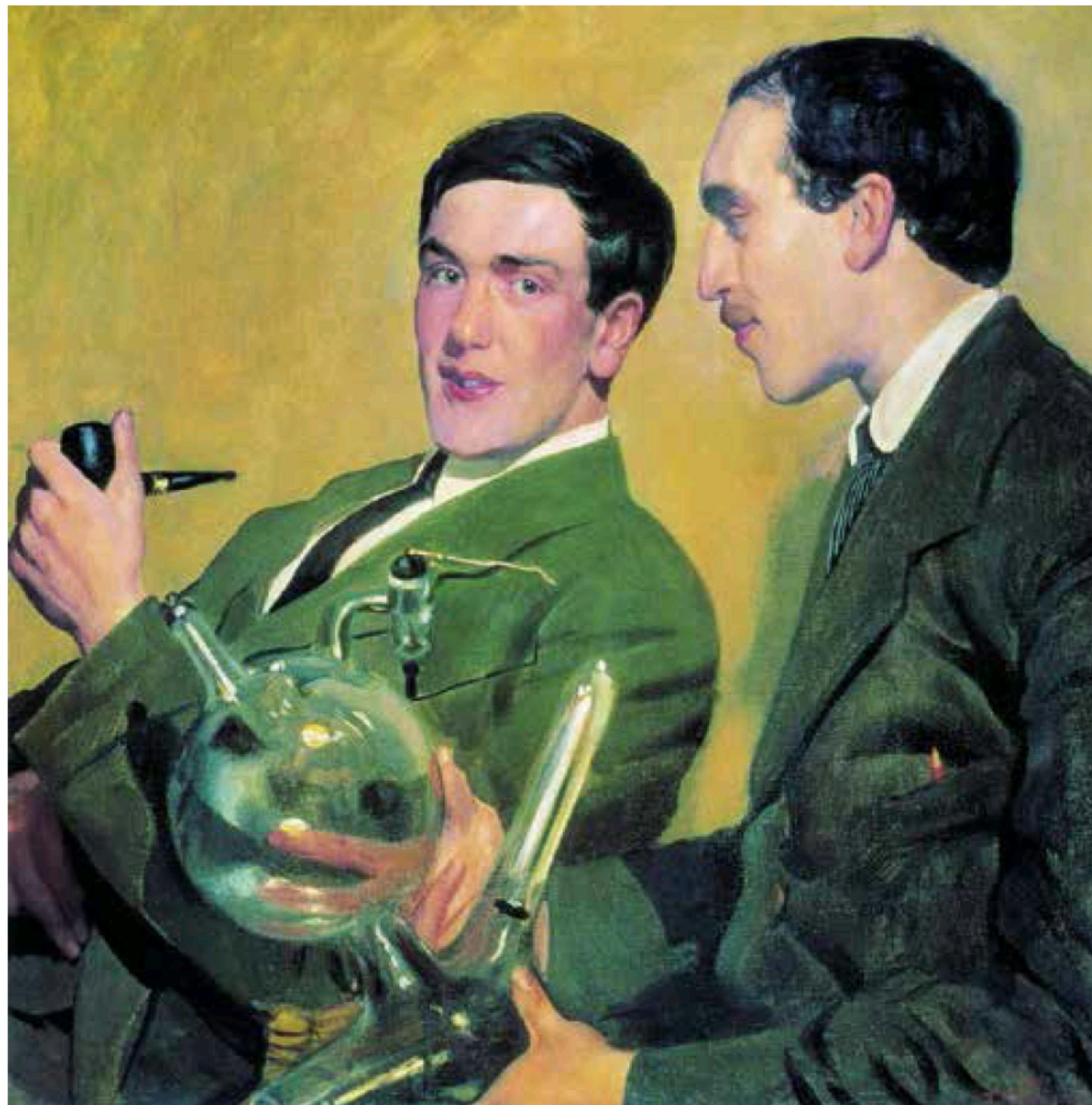
Непонятно, зачем нужно ограждать меня от получения иностранной информации. Что это — забота о моей нравственности?

На самом деле это для нас вредно. Вот пример. В 1967 г. Лейденский университет присудил мне золотую медаль имени известного голландского физика Камерлинг-Оннеса. Ее вручают через год примерно после присуждения, в день рождения ученого. Когда я приехал в Лейден, то сразу же обратил внимание на некоторое замешательство у профессоров. Оказалось, что вызвано оно было тем, что за промежуток времени между присуждением и вручением медали произошли чехословацкие события. Вручение медали обставляется торжественно, в присутствии не только профессоров, но и студентов, и меня с тревогой предупредили, что студенты собираются организовать обструкцию. Естественно, первое,

что я спросил, будут ли в меня бросать тухлыми яйцами или помидорами, но меня успокоили, сказали, что будет только «кошачий концерт». Тогда я попросил, чтобы мне дали возможность предварительно побеседовать со студентами. На это охотно согласились. На следующий день был устроен завтрак, на котором было человек двенадцать представителей студентов. Присутствовал также декан и один или два профессора. Голландцы хорошо говорят по-английски, и оживленная беседа длилась около трех часов. При вручении медали не только не было кошачьего концерта, но когда через несколько дней я был в Дельфте, то там студенты пресли меня провести с ними собеседование. Видно, они узнали о лейденских событиях. Потом, когда я поехал в Амстердам, там повторилось то же, но тут я был тронут тем, что после собеседования студенты подарили мне небольшой альбом с репродукциями картин Босха. Вы, может быть, помните этого художника XVI века, одного из предшественников сюрреалистов, и его знаменитую картину «Корабль дураков».

Посудите сами — чтобы успешно прово-

Капица (слева) и Семёнов (справа).

дить такие беседы, мне нужно быть хорошо информированным о том, что о нас говорят и думают за рубежом.

То, что делают наши органы цензуры, выглядит так, как если бы на Олимпийских играх нашим бегунам привязывали бы к ногам гири или борцам связывали руки. К тому же такие цензурные мероприятия, как вырезание статей и тому подобное, в наше время не могут быть эффективными, так как теперь существует широкая информация по радио. Конечно, не через «голоса» и «волны», которые не отличаются достоверностью. Но, зная иностранные языки, можно непосредственно слушать передачи, предназначенные для собственных стран; к тому же они передаются без помех. Конечно, это хлопотно, так как пока услышишь то, что тебя интересует, приходится прослушивать много никчемного. В печатных органах читаешь только то, что нужно, поэтому их и предпочитаешь.

О вреде, приносимом цензурой, я говорил в Академии наук с вице-президентом академиком П.Н. Федосеевым, а также у нас в Институте с Вашим ответственным работником тов. В.В. Д-м. Я напомнил им, что еще давно был декрет Ленина об освобождении академиков от цензурных ограничений. Эти товарищи скорее сочувственно отнеслись к моим жалобам и не пытались оправдывать наши цензурные ограничения. На этом все кончилось, и журналы продолжали кастрировать.

После того, как была вырезана статья из перевода моей книги, я решил написать Вам, поскольку это делается работниками, находящимися под Вашей эгидой.

Уважающий Вас
П.Л. КАПИЦА

Месяц с небольшим спустя, 28 мая 1980 г., Ю.В. Андропов пишет Капице следующее письмо:

«Глубокоуважаемый Петр Леонидович! В связи с Вашим письмом, касающимся обстоятельств получения Вами из Италии авторского экземпляра Вашей книги «Наука — дело международное», сообщая, что органы Комитета государственной безопасности той деятельностью, о которой идет речь в письме, не занимаются.

Одновременно посылаю Вам новый, с полным текстом, экземпляр написанной Вами и изданной в Италии книги.

С наилучшими пожеланиями
Ю. В. Андропов».

В настоящее время в архиве П.Л. Капицы хранятся пять экземпляров его книги, изданной в Италии: два экземпляра — с предисловием, в трех экземплярах предисловие изъято.

Колпак для физиков

Дмитрий ШЕВЧЕНКО

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ПАЛЕСТИНСКИЙ ТЕРРОРИСТ

Виктор Каслин, физик-лазерщик, случайно столкнулся с академиком Сахаровым в дверях Физического института Академии наук. Андрей Дмитриевич неожиданно отпрянул, на лице его отразился испуг.

«Странно, — подумал Виктор, прожывая взглядом торопливо удаляющуюся сутулую спину академика. — Чем я ему насолил? Мы едва знакомы, области исследований — разные. Может, показалось?...»

Назавтра все повторилось. Едва заведя на институтской дорожке худую фигуру Каслина, Сахаров резко повернул в сторону и, дико озираясь, растворился в толпе...

Недоумевая, расстроенный Виктор отправился в лабораторию и, переступив порог, услышал смех:

— Посланец Арафата явился...

— Что происходит? — начиная закипать, спросил Виктор у коллег.

— Ты разве не знаешь? Весь институт за животы держится...

Оказалось, неделю назад Сахаров выступил в западной печати в поддержку Израиля и резко обрушился на палестинского лидера и разгорающуюся интифаду. Слова знаменитого правозащитника вызвали в мире мощный резонанс. Арафат поклялся отомстить Сахарову, пригрозил подослать террориста.

— Зачем вы все это рассказываете? Я-то тут при чем? — с досадой отмахнулся Каслин.

— А ты в зеркало на себя посмотри... — с улыбкой протянула ему пудреницу лаборантка Света.

И вправду: был Виктор смугл, как араб (недавно вернулся из отпуска), а волосы и борода — черны как смоль.

— Так вы думаете... — начал было Каслин.

— Да, да! — хором закричали сослуживцы. — Андрей Дмитриевич уже был у руководства и зловещим шепотом сообщил, что разоблачил тебя. Ему объяснили, что ты — лазерщик, Витя Каслин, но он, кажется, не поверил. Иди сдавайся, палестинский террорист!

ЛОВУШКА ДЛЯ АКАДЕМИКА

Годы спустя, когда Сахарова упекли в Горький, к нему и в самом деле подослали «террориста» — но не из «Хамаса», а из родного 5-го управления КГБ. Сам Сахаров правду о своем странном госте так никогда и не узнал. История эта вообще долгое время была никому не известна. Ее рассказал редакции офицер госбезопасности, в прошлом — борец с инакомыслием.

...Однажды в дверь сахаровской квартиры позвонили. На пороге стоял симпатичный молодой человек, аккуратная прическа, замшевая куртка, на шее дорогой шелковый фуляр. Он рассказал Андрею Дмитриевичу, с каким трудом пробился к нему, надеется на поддержку и без его совета ни за что не вернется домой — в далекий сибирский город.

— А в чем дело? — участливо взял за локоть собеседника Сахаров.

— Мы создали у себя тайную организацию, объединяющую, прошу прощения, сексуальные меньшинства. Я — председатель. Власти начали нас преследовать. Из сугубо личного, интимного дело превратилось в политическое...

— Чем же я могу помочь? — пряча глаза, растерянно спросил академик.

— Мы тоже диссиденты, — без тени смущения продолжал посетитель. — И, как вы, не терпим насилия над личностью, выступаем за демократию. Наши товарищи на Западе гонимы, как и мы, и также ведут борьбу за свои права. Андрей Дмитриевич, научите, как жить! Напишите моим това-

рищам напутствие. Ваше слово даст нам силы, надежду на будущее. Мы верим в вас. У нас общее дело...

И еще несколько часов подряд посвящал несчастного Сахарова в проблемы геев и лесбиянок — короткий ликбез об особенностях взаимоотношений, о взглядах на семью, на брак, на воспитание детей.

После ухода незваного гостя Андрей Дмитриевич выразительно посмотрел на себя в зеркало и принял решение: никого в дом, кроме родственников, не пускать.

И долгое время ни один правозащитник не мог пробиться к Сахарову, волна публикаций на Западе заметно стихла, поблекли «Радио Свобода» и «Немецкая волна», все больше заполняемые теперь бесконечными узлами «Красного колеса»...

А «человек в фуляре», вернувшись на Лубянку, был в скором времени повышен в звании и представлен к высокой правительственной награде — за удачно проведенную операцию...

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА КАСЛИНА

Виктор Михайлович Каслин — ученый с мировым именем. В ФИАН пришел после МГУ и сразу почувствовал себя как дома, среди своих людей. Счастливое чувство, тем более когда оно взаимно.

История Физического института впечатляюща. Отцом-основателем его был Петр I, и значился вначале ФИАН просто как физический кабинет Петербургской академии наук и располагался в кунсткамере. В стенах института в разные века его истории работали такие ученые, как Ленц и Якоби, Бернулли и Ломоносов, Иоффе и Вавилов. Шесть нобелевских лауреатов выросли в стенах ФИАН — Черенков, Тамм, Франк, Басов, Прохоров, Сахаров. Мировую физическую науку нельзя сегодня представить без «рассеяния Мандельштама—Бриллюэна», «уровней Тамма», «эффекта Вавилова—Черенкова», без теории сверхпроводимости Гинзбурга—Ландау.

Учителями Каслина были великие физики двадцатого столетия. И ученик в скором времени оказался достоин их. Будучи еще довольно молодым ученым, Виктор первым в отечественной физике создал ультрафиолетовый лазер, а позже разработал так называемый «цветной лазер»: не один, как обычно, луч, а сразу шестьсот линий — весь спектр цвета! Это был уникальный, единственный в мире подобный лазер.

С его помощью, например, можно определить утечку радиоактивности с чувствительностью, в тысячи раз превосходящей существующие методы. Возможно, будь такой прибор в Чернобыле, авария бы не произошла. Он необходим и в медицине, и в экологии. Сегодня, чтобы исследовать загрязнение атмосферы — серное, углеродное и многие другие, — приходится использовать десятки научных приспособлений. Ведь у каждого «врага природы» свой спектр. Цветной лазер Каслина способен одним махом распознать все виды загрязнения и назначить нашей больной природе оптимальный «курс лечения». Незаменим он и в связи, и даже в шоу-бизнесе.

Совсем недавно, на праздновании 850-летия Москвы, мы наблюдали шоу Жан-Мишеля Жарра. Лазерные картины были одноцветными, бледно-зелеными. А теперь представьте на небе всю палитру цветов.

А лазерные диски! Метод Каслина позволяет увеличить объем записей в сотни раз. Это переворот на аудио- и видео-рынке. Главное открытие пришло к Каслину случайно. Во сне явился его школьный учитель и, укоризненно глядя на Виктора, вывел на школьной грифельной доске формулу, над которой тот бился уже несколько лет. Ему открылся скрытый

до сих пор неведомый атомный параметр, а это — новые законы и закономерности. Новый взгляд на физику.

Академик Басов, один из «лазерных отцов», на первых порах поддержал работу Каслина. Готовилось представление его работы на президиуме Академии наук, последовали публикации в академическом журнале и физические семинары в ряде институтов. Проявили интерес ученые из Штатов. Это в 1985 году, когда мы погрязли в Афганистане. Потом прислал письмо с похвалами нобелевский лауреат, знаменитый спектроскопист из Канады Герцберг. Вроде бы признание для физика!

Но дальше теории дело не двинулось, на фундаментальные исследования, как всегда, денег не нашлось, в институте объяснили — тема больно глобальная и расплывчатая, прикладного значения не имеет. Страна не может вхолостую тратить бюджетные деньги, пятилетка заканчивается, да еще и воюем, выполняем интернациональный долг...

Из Америки тоже — ни слуху, ни духу...

Каслин не расстраивался, не грустил, он вообще оптимист. И решил отнестись к неудаче философски, как к временному неудобству.

...Так уже было в истории российской физики. В 1928 году видные ученые Ландсберг и Мандельштам впервые описали комбинационное рассеяние света, создали мощное теоретическое обоснование нового явления. Однако в историю науки вошло понятие «рамановское рассеяние света» — по имени малоизвестного индийского ученого Рамана. И нобелевским лауреатом предстояло стать именно ему. В чем тут дело? Наверное, не только в превратностях судьбы и удачливости отдельного ученого. Если смотреть шире — речь идет о престиже нашей страны и отношении к ней остального мира. Когда мы сильны — с нами Бог!

Великие открытия наших ученых в 30-е годы остались незамеченными — и это нельзя не связывать с ужасами сталинизма, которые не были секретом на Западе. Лишь в 1958 и 1964 годах российские физики впервые получили Нобелевские премии. Позади были Сталин-град, Победа, успешное испытание ядерного оружия, первый спутник. Кто-то боялся нас, кто-то не любил, но все — уважали. А потом как отрезало. Лишь Нобелевская премия Сахарова в 1975 году — за вклад в дело мира.

К 1998 году (то же было и в 1928-м) мы, к сожалению, снова превратились в мировую окраину. Владлен Летохов, Виктор Каслин, десятки других крупных российских ученых пока не добились и вряд ли в обозримом будущем добьются успеха. Слабы не любят, их не замечают...

Но хватит о грустном. Вышесказанное вовсе не означает, что физики — хмурое племя с толстыми линзами на носу, зашкленное, как рисовало советское кино, на формулах, синхрофазотронах и кражах идей. Серьезность научного процесса вовсе не отменяла веселье и дружество, романы и ревности, попойки и розыгрыши.

Одну историю физический мир запомнил надолго, а молва донесла ее до наших дней.

КЕНТАВР

После долгой опалы Петр Леонидович Капица в самом конце 50-х годов был возвращен директором в Институт физических проблем. Возвращен, правда, с солидным «довеском». Заместителем по режиму Лубянка приставила к нему строгую даму средних лет, офицера госбезопасности, имя которой сегодня уже вряд ли кто-то вспомнит. Коллеги восторженно приветствовали Капицу и столь же страстно возненавидели замшу — «стукачку».

Возвращение Петра Леонидовича совпало с его юбилеем. На одной из вечеринок зам по режиму объявила: ей только что

стало известно, что «правительство Союза ССР, принимая во внимание вклад академика в развитие советской науки, решило поздравить его с круглой датой и выделило крупную сумму денег».

— Давайте думать, что подарим, — предложила она.

Пошептавшись, физики вспомнили, что с незапамятных времен за глаза зовут Капицу «кентавром» — за взрывной и в то же время незлобивый характер, когда стихия в минуту сменяется полным штилем.

— Статуя кентавра! — хором закивали физики. — Лучшего подарка не найти.

— Хорошая идея, — сказала заместительница. — Скульптора подберу сама.

Накануне юбилея, ночью, тайно, на грузовике с погашенными фарами, привезли статую к зданию института. Выгружая, едва не проломили кузов — размером и тяжестью она могла поспорить с Медным всадником. Кряхтя, боясь уронить на ноги — инвалидом останешься! — красные от натуги такелажники еле доволокли ее до зала заседаний.

И вот день юбилея наступил. Капица со своей неотлучной спутницей сидели в президиуме. Он — блаженный, с увлажнившимися глазами — впервые советская власть решила почтить старика вниманием, она — взволнованная, гордая даром правительства. «Мое детище», — шепнула она академику, любовно оглядывая бархатную ткань, покрывающую скульптуру.

Отзвучали положенные слова, иссякли букеты и поцелуи. Счастливая дарительница сделала знак рукой.

И полотнище начало медленно сползать. Показалась голова вздыбленного чудовища, туловище, конский зад, копыта...

Капица, когда начинал волноваться, сильно заикался.

— В-в-в-он! — вдруг страшным голосом закричал он заместительнице. — Вон отсюда! Вместе с лошакон!

Откуда бедной женщине, бывшей секретарше, взрошенной на мягких коврах Лубянки, откуда ей было знать, что над ней подло подшутили, что больше всего на свете Капица ненавидел свое прозвище, а фигуру «кентавра» без гадливости видеть не мог...

КАК ПОЛУЧИТЬ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ

Паше Черенкову, подающему надежды аспиранту ФИАН, назначили в научные руководители светило — Сергея Ивановича Вавилова. Каково же было разочарование Черенкова, когда Вавилов посадил его изучать явление слабой люминесценции. Посадил в прямом смысле — в абсолютно темную комнату. «Глаз, — сказал Вавилов, — лучший прибор. Только не спи. О впечатлениях расскажешь через неделю».

Семь дней взаперти, без воздуха, как подопытная мышь, мучился Паша в заключении, пока глаза не заболели, а потом написал отчет, но не Вавилову, а в местком. В жалобе на научного руководителя он, в частности, заметил, что аспирантский срок бездарно пропадает, все его товарищи отказались от переспективной темы и, похоже, из-за Вавилова он останется без диссертации.

Сергей Иванович отнесся к поступку аспиранта снисходительно. Спросил лишь только, появлялись ли у него в глазах искорки.

— Целые стаи! — выпалил Черенков.

— Вот видишь! Это элементарные частицы. У них особое свечение. Посиди-ка еще, подумай над этим.

Некоторое время спустя, на дворе стоял 1934 год, появилось на свет новое явление — «эффект Вавилова—Черенкова», объясняющий излучение космических лучей.

Однако понадобится еще долгих двадцать четыре года, прежде чем мир оценит труд советских ученых — Черенкова, Тамма

Лючано Паваротти и Виктор Каслин после концерта. Фото из семейного альбома

и Франка, а Нобелевский комитет наградит их премией «За открытие и истолкование эффекта Вавилова—Черенкова».

...Сегодня в мире нет ни одного космического корабля, который бы не был оснащен «черенковскими счетчиками», определяющими скорость космических лучей, открывшихся когда-то в темной кладовке строптивому аспиранту...

ТЮРЕМНЫЕ КОНЦЕРТЫ

ФИАН долгое время был фактически закрытым учреждением, ориентированным во многом на оборонную отрасль. И оттого, наверное, физикам легче дышалось, чем их собратьям из других областей науки. (Так, не по своей воле, обитатели шарашек мало походили на бедолаг из обычных лагерей.)

Нельзя сказать, что все наперечет в ФИАНе брали пример с академика Сахарова, но некое подобие вольницы среди физиков все же наблюдалось.

Двадцать пять лет назад Каслин организовал при институте клуб камерной музыки. Звучит буднично. Но в те годы любое объединение людей вызывало у власти подозрение. И не зря. Благодаря усилиям Виктора в ФИАН стали наведываться на подпольные концерты официально запрещенные властями в те годы авангардисты — Эдисон Денисов, Альфред Шнитке и другие композиторы и исполнители. Частыми гостями бывали также квартет имени Бородина, Леонид Коган, Геннадий Рождественский, Николай Петров, Татьяна Гринденко, Гидон Кремер. Именно в стенах ФИАНа дали свой первый концерт только что созданные «Виртуозы Москвы» под руководством молодого Спивакова. Шнитке по просьбе Каслина и других физиков института написал знаменитую сегодня на весь мир ораторию «Концерто гроссо». Здесь, на одном из концертов, он встретит свою любовь, свою будущую жену, красавицу Ольгу Якунину, оперную певицу, солистку Театра Станиславского.

Логотипом клуба стала лира. Вместо струн — ажурная формула «квантэнергии» Нильса Бора — одна из ключевых в физике. Так что пресловутые «споры физиков и лириков» — не более чем идеологическая насмешка советской системы, надуманный конфликт.

Именно физик Каслин спустя несколько лет станет создателем и первым президентом еще одного клуба — друзей Большого театра.

Каслину хорошо запомнился авторский вечер Эдисона Денисова в ФИАНе, первый в его композиторской жизни. Ждали полконсерватории, где Денисов, за неимением ничего другого, преподавал... инструментовку.

«За два часа до концерта мне позвонили из парткома, — рассказывает Виктор Михайлович, — и сказали, что хорошо бы его отменить. Не могу, говорю, у нас несколько сот приглашенных. «А компо-

зитор будет выступать?» Не знаю. «Текст выступления есть?» Нет, отвечаю, Денисов же композитор, а не лектор. В институте работал Сахаров, и институтские партийцы боялись все новых и новых эксцессов. «Ладно, — сказала трубка, — тогда мы придем на концерт нашего человека...»

Каслин сразу его узнал, когда зазвучала музыка. Это был человек из «первого отдела», в прошлом — не очень удачливый физик. Лицо его выражало скуку. Она в момент исчезла, когда Сергей Яковенко, известный баритон, начал исполнять романс Денисова на стихи Вийона.

В этих чудесных стихах говорилось о солдате, воюющем на фронте. Однажды с поля боя его вызвал командир и предложил донести на своих товарищей — те якобы вели между собой вольные разговоры. «Сделаешь это — и мы отпустим тебя домой целым и невредимым». Солдат стал думать: у меня есть долг перед друзьями, перед родиной, но так хочется остаться в живых, ведь есть еще и долг перед любимой женой. И он выбрал предательство. И вот он идет по дороге к дому и замечает, что вдоль нее вереница вдов его друзей. Он проходит «сквозь строй» заплаканных женщин и с опустившимся сердцем входит в свой дом. На столе — записка: я устала тебя ждать и нашла другого...

Особист подошел к Каслину после концерта. Шепнул:

— За дураков нас держите. Я оценил намеки вашего Денисова. Кончать надо с этими камерными концертами. Как бы они не превратились в тюремные...

Правильно понял.

— Этот романс сегодня, спустя годы, мне хотелось бы адресовать бывшему дирижеру Большого театра Альгидасу Жюрайтису, — сказал мне, грустно улыбаясь, Каслин. — Он тоже поймет...

ШУТКИ ШНИТКЕ

Тридцать пять лет назад, 11 марта 1978 года, в «Правде» появилась статья Жюрайтиса, где он гневно разоблачал Шнитке, Рождественского и Любимова — за готовящуюся постановку в парижском «Гранд-опера» вариаций на тему оперы Чайковского «Пиковая дама». Испоганили великое произведение, переделали в авангард! На кого руку подняли! Душа разрывается от боли за русскую культуру и т.д.

Пришло время рассказать истинную историю появления публикации — со слов непосредственного участника этой невеселой комедии, друга Каслина Альфреда Шнитке.

...Когда в отделе культуры ЦК КПСС узнали об упомянутой постановке, у ревнителей советского искусства зачесались

руки — устроить очередной погром авангардистам, этим западным отщепенцам, чуждым всему русскому.

Жюрайтиса считали на Старой площади своим человеком. Его пригласили в высокий кабинет и попросили лично в Париже удостовериться в качестве скандального произведения. А если бы удалось раздобыть как вещдок и партитуру, было бы совсем прекрасно.

Приехав в Париж, дирижер отправился в «Гранд-опера» — на поиски партитуры. Расположение театра музыканту было хорошо знакомо — не раз выступал здесь. Он без труда нашел комнату переписчика нот. Неизвестно, орудовал ли он в перчатках или голыми руками. Известно лишь то, что служащие театра увидели, как посторонний входил в служебное помещение. Дирижера Большого театра застучали, поймали за руку!

Наутро французские газеты опубликовали открытое письмо директора «Гранд-опера» Рольфа Либбермана. Говорилось там примерно следующее: «Господин Жюрайтис! Мы вас уважаем как музыканта, ценим ваш талант, всегда принимали вас и будем принимать в нашем театре. Но мы пришли к выводу, что ваше присутствие в стенах «Гранд-опера» должно быть ограничено минутой начала музыкального произведения и минутой его окончания. Ибо дальнейшее ваше присутствие сопровождается действиями, подпадающими под статью уголовного законодательства...»

А жаль, что не удалось стащить партитуру. Произведение-то талантливое, музыканты и просто знатоки музыки легко бы в этом убедились. И не пришлось бы писать дрянных заметок в «Правде», подменять понятия — оправдывать невыполнение партийного задания «тревогой и болью» за русскую культуру.

...Вскоре после публикации дирижеру начали приходить домой письма с благодарностью за служение высоким идеалам — от Бородина, Чайковского, Глинки, Скрябина, Рахманинова...

Так шутили многочисленные друзья Шнитке со всего мира.

Смеялся ли Жюрайтис, история, как говорится, умалчивает...

«Я СКАЖУ ВСЕ»

Чем заняться физиком, если труд его не до конца востребован? Каслин, кроме деятельности в клубе камерной музыки, начал проводить в Политехническом музее устный журнал «Научная кинопанорама», некое подобие «Очевидного—невероятного». Собирались полные залы. Наука в конце семидесятых еще вызывала любопытство.

Виктор Михайлович не был диссидентом и, честно говоря, в душе не очень одобрял их. Некоторые были чересчур крикливы. Но когда система, сегодня такая нестрашная, ставила его в безвыходную ситуацию, он старался не терять лицо и оставаться человеком.

Однажды в Политехническом музее собрались на научную кинопанораму генетики. Собрание вел Каслин. Выступали по списку. Вдруг на сцену поднялся древний старик и заковылял к микрофону. Зал взорвался в овациях. Оказалось, это был сподвижник погибшего в лагерях великого генетика Николая Вавилова, тоже видный ученый.

— Мне осталось жить три месяца, — начал он. — Я скажу все.

Наступила тишина.

И он рассказал, задыхаясь — похоже, впервые в своей жизни, — о том, что творилось за колючей проволокой каких-нибудь двадцать лет назад, — о пеллаге, о ледяных трупах на Колыме, которыми эки обкладывали свои жилища, чтобы не замерзнуть насмерть, о страшной смерти Вавилова...

В зале зашмыгали носами.

До Солженицына с Шаламовым было далеко, а до Лубянки, как поется в песне, всего «четыре шага» — триста метров.

Утром Каслина вызвали в партком.

— Поздравляем. Звонили с площади Дзержинского, требовали стенограмму. Почему вы не прервали этого сумасшедшего? Товарищи сказали, если еще повторится, машину за вами высылать не будут,

а поведут пешком — благо рядом. По следу Сахарова решили?..

ЭТО ТВОЯ РОДИНА, СЫНОК!

В 1992 году ФИАН выдвинул Каслина кандидатом в депутаты. По совпадению доверенные лица были те же, что и у Сахарова. Но депутатом он не стал. Одним из соперников Виктора Михайловича оказался сын Лукина, депутата Госдумы.

«То, что политика — грязная штука, — рассказывает Каслин, — мне говорили многие. Но то, что я увидел во время предвыборной кампании, покорило. Сын знаменитого папаши-дипломата на одной из встреч с избирателями первым пунктом своей программы провозгласил «озеленение Ленинского проспекта», а другим — «вынесение чучела Ленина из Мавзолея». Но это ладно. Дальше я отказался верить своим ушам. Когда задала вопрос об отце, этот молодой... не знаю, как сказать... заявил следующее:

— Я этого прихвостня коммунистов знать не хочу.

Вот я и не захотел быть со всем этим рядом, снял свою кандидатуру...»

ПО СЛЕДУ САХАРОВА

Удача улыбнулась Каслину. Это была еще слабая, робкая улыбка. Но обещала многое. Из Арзамаса-16 позвонили — считать ли это опять совпадением? — бывшие соратники Андрея Дмитриевича, его сотрудники по лаборатории, и сообщили, что американцы, чтобы увести наших физиков от ядерных исследований, собираются субсидировать ряд научных проектов. И американцев, и арзамасцев заинтересовали работы Каслина — те, что мертвым грузом давно пылятся в его архивах.

Потом вышла статья в «Москоу таймс». Там были такие слова: «Андрей Сахаров, без сомнения, — один из самых замечательных сынов ФИАНа, но другой ученый этого же института — Виктор Каслин — также внес значительный вклад в освобождение человеческого духа...»

И, наконец, в Москву приехал знаменитый Паваротти...

ДРУГ ЛЮЧАНО

Он впервые выступал в Москве с концертами. Виктору Михайловичу с трудом удалось пробиться к дверям гримерной в Большом театре. Дорогу Каслину преградил переводчик.

— Пожалуйста, скажите сеньору Паваротти, что его хочет видеть президент клуба друзей Большого театра.

К удивлению свиты, великий Лючано тут же вышел знакомиться с Каслиным. Во всем мире президенты таких клубов — меценаты, миллионеры. Он решил, что и Россия — не исключение.

— Что вы хотели, мой дорогой? — спросил он у физика.

— Чтобы вы пришли на встречу с членами клуба.

— Пожалуйста, в воскресенье. У меня репетиция в Театре оперетты. Встретимся там...

...Когда кортеж остановился у подъезда, Паваротти увидел у входа десятки людей с цветами. Все это были знакомые Каслина — физики и музыканты.

«Как много друзей у Большого театра», — подумал певец.

Он сделал ошарашенному вахтеру знак рукой, чтобы всех пропустили, — «Это мои друзья!» — и, обняв Каслина за плечо, повел внутрь.

После репетиции Паваротти подошел к Каслину, и тот представил ему свою жену.

— Она у меня тоже певица. Хотите послушать? Ольга приготовила для вас неаполитанскую песню.

Паваротти радостно кивнул.

Каслин смотрел на жену — такую красивую — в сияющем, как алмаз, шелковом платье, на восторженное лицо Паваротти, внимающего ее низкому грудному голосу, и вдруг со стыдом ощутил, что счастлив как мальчишка. То же чувство он пережил однажды, в молодости, когда в его темном царстве — утлой физической лаборатории — впервые засверкал всеми цветами радуги лазерный луч...

САХАРОВ. Главное испытание

Многие из нас впервые увидели этого человека с удивительно мягкими манерами и слишком тихим, слишком «интеллигентным» голосом, явно не привыкшего ораторствовать, когда он упорно прорывался к трибуне первого съезда народных депутатов и твердо отстаивал свою точку зрения перед Михаилом Горбачевым. Но мало кто сегодня помнит, как и почему 40 лет назад Андрей Дмитриевич САХАРОВ, гениальный создатель самого разрушительного из ныне известного оружия, обласканный Системой обладатель всех возможных советских званий и регалий отказался от всего во имя своих убеждений. И во имя своей страны. И почему она, эта страна отказалась от своего гения...

Владимир ЧЕБОТАРЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

«У жасное преступление совершилось, и я не смог его предотвратить! Чувство бессилия, нестерпимой горечи, стыда и унижения охватило меня. Я упал лицом на стол и заплакал».

Человек, позднее написавший эти строки, тогда, в 1962 году, был в самом расцвете жизненных сил. Ему исполнился 41 год. А девятью годами раньше при его решающем вкладе СССР получил самое страшное оружие в истории человечества — термоядерную (водородную) бомбу. В научной иерархии военно-промышленного комплекса тоталитарной империи он стоял на одной из высших ступеней. Он получил все звания и регалии, которые только могло дать советское государство: академик, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Политические лидеры страны хорошо знали его лично и высоко ценили. И все же он плакал от бессилия, потому что не сумел предотвратить очередное бессмысленное испытание им же созданного оружия, повлекшее новые жертвы.

К 1948 году, когда молодой талантливый физик Андрей Сахаров был привлечен к работе над термоядерным проектом, Система, в которой, по авторитетному мнению создавшего ее «отца народов», незаменимых нет, столкнулась с неразрешимой проблемой. Те, кто ее полностью

устраивал, в научном отношении, как правило, ничего собой не представляли. Цвет же отечественной физики вызывал подозрения и сомнения. Что-нибудь почти всегда оказывалось «не так»: биография, партийность, национальность.

Гордость российской и мировой науки академики П.Л. Капица, И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахаров (будущие нобелевские лауреаты), в разное время привлекавшиеся к атомному проекту, все как на подбор не просто были беспартийными, но и по разным причинам избегали вступления в ВКП(б) — КПСС. Много лет спустя, когда Сахаров уже находился в горьковской ссылке, академик Капица заступался за него в письме председателю КГБ Андропову: «Чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысаков мало, и они обычно норовисты... На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть».

Допуская в свою святая святых — к самым секретным военным проектам — людей, привыкших к интеллектуальной независимости, Система выставляла предохранители: страх и привилегии. Вероятность того, что найдется человек, сочетающий свободомыслие с равнодушием к материальным благам и бесстрашием, была минимальной. Но он нашелся.

«Я родился в 1921 году в Москве, в интеллигентной и дружной семье, — пишет в своих заметках Андрей Дмитриевич. — Мой отец — преподаватель физики, автор ряда широко известных учебных и научно-популярных книг. С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому

овладению избранной профессией».

В самом начале научной карьеры Андрею Дмитриевичу повезло — его наставником стал Игорь Евгеньевич Тамм, выдающийся физик и человек безукоризненных нравственных качеств. Сахарову дважды предлагали перейти на работу в атомный проект. Он категорически отказывался: не хотел уходить от Тамма и из ФИАН (Физического института Академии наук СССР). Но в 1948 году самому Тамму «сделали предложение, от которого нельзя отказаться». И он сразу же поставил вопрос о Сахарове.

Андрей Дмитриевич вспоминает о разговоре Тамма с Б.Л. Ванниковым, в ту пору одним из руководителей атомного проекта: «Игорь Евгеньевич стал говорить, быстро и взволнованно, что Сахаров — очень талантливый физик-теоретик, который может сделать очень много для науки (от волнения он даже не сказал — советской), для ее самых важных разделов переднего края. Целиком ограничивать его работу прикладными исследованиями — совершенно неправильно, не по-государственному. Ванников слушал вроде внимательно, но чуть-чуть усмехаясь. В этот момент раздался звонок вертушки (телефона специальной, «кремлевской» телефонной сети. — Ред.). Ванников снял трубку, лицо и поза его стали напряженными. Ванников:

— Да, они у меня. Что делают? Разговаривают, сомневаются.

Пауза.

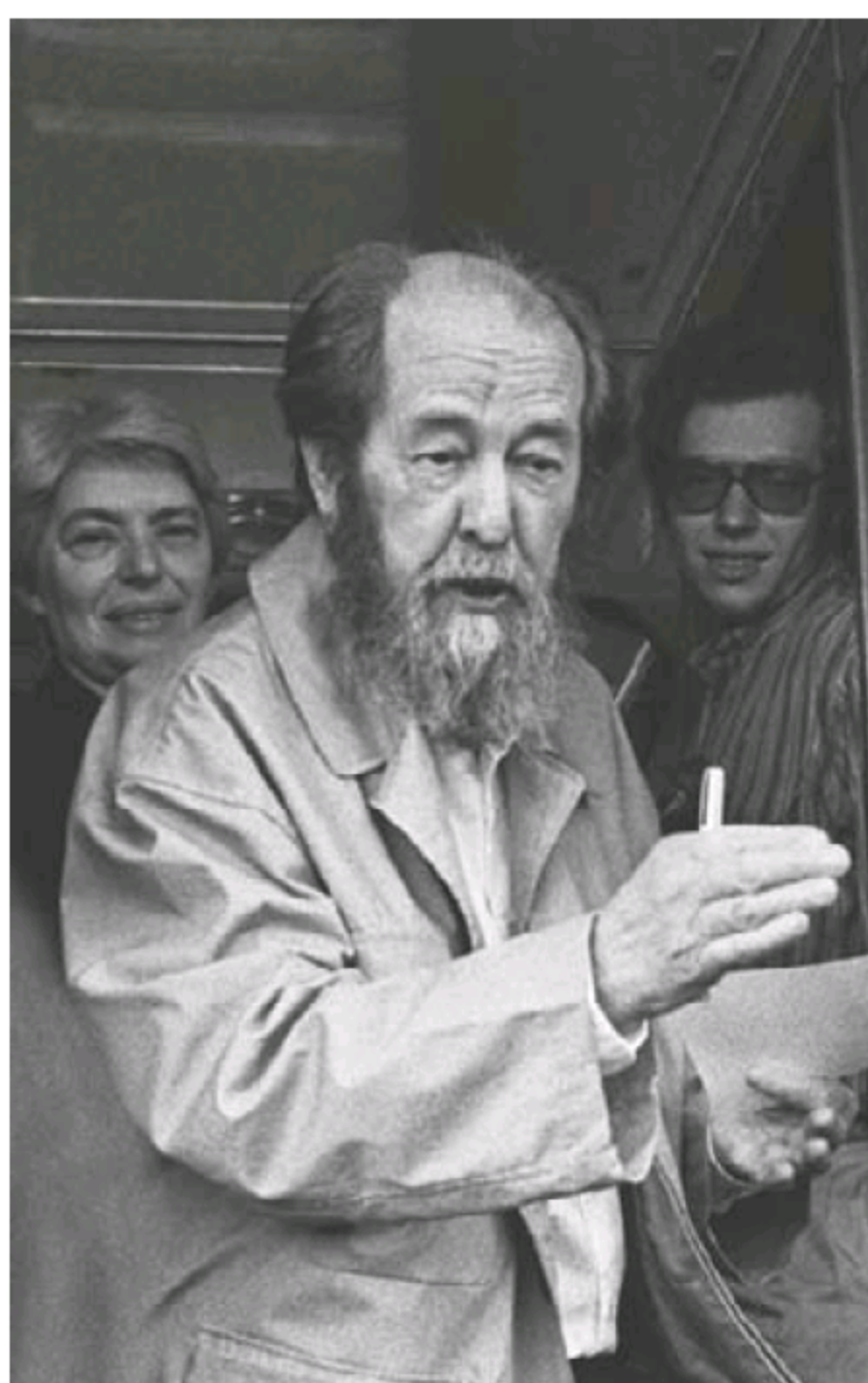
— Да, я вас понял. Слушаюсь, я это им передам.

И, повесив трубку:

— Я говорил с Лаврентием Павловичем

Слева: историк Рой Медведев помогал академику в распространении его статьи. Писатель Александр Солженицын (справа) считал взгляды Сахарова недостаточно радикальными. Внизу: суд над диссидентами Юлием Даниэлем и Андреем Синявским

Академика Сахарова волнует неравное противостояние свободного слова и карательной мощи режима. В его работах заметен глубокий интерес к зарождающемуся в СССР движению диссидентов

всем, что связано с государственной тайной. В основе этих самоограничений — только чувство долга, как он его понимал.

ПРИТЧА

Историю, запустившую механизм переоценки его взглядов, Сахаров запомнил навсегда и позже подробно записал. Это случилось 22 ноября 1955 года. Военный руководитель испытаний и заместитель министра обороны СССР маршал М.И. Неделин устроил банкет для узкого круга высокопоставленных ученых и инженеров по случаю удачного завершения работы. Первый тост маршал предложил произнести Сахарову.

— Я предлагаю выпить за то, — сказал Андрей Дмитриевич, — чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда — над городами.

За столом повисло молчание, как будто академик произнес нечто неприличное. Все замерли. Неделин усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал:

— Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубашке, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направь я и сама сумею!» Давайте выпьем за укрепление.

Даже через три десятилетия Андрей

Дмитриевич не смог забыть пережитое в тот ноябрьский вечер. «Я весь сжался, — вспоминал он, — как мне кажется — побледнел (обычно я краснею). Несколько секунд все в комнате молчали, затем заговорили неестественно громко. Я же молча выпил свой коньяк и до конца вечера не открыл рта. Прошло много лет, а до сих пор у меня ощущение, как от удара хлыстом. Это не было чувством обиды или оскорбления. Меня вообще нелегко обидеть, шуткой — тем более. Но маршальская притча не была шуткой. Неделин считал необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону... Смысл его рассказа (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим. Мы — изобретатели, ученые, инженеры, рабочие — сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать («направлять», словами притчи) будут они — те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии. Конечно, понимать я понимал это и раньше. Не настолько я был наивен. Но одно дело — понимать, и другое — ощущать всем своим существом как реальность жизни и смерти. Мысли и ощущения, которые формировались тогда и не ослабевают с тех пор, вместе с многим другим, что принесла жизнь, в последующие годы привели к изменению всей моей позиции».

В отношении Андрея Дмитриевича к Неделину не было личной неприязни. Наоборот, он подчеркивает, что маршал производил впечатление человека очень неглупого, энергичного и знающего. Неделин был Героем Советского Союза, в Великую Отечественную командовал артиллерией многих армий и фронтов.

Через пять лет главный маршал артиллерии, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения Неделин погиб при испытаниях межконтинентальной баллистической ракеты. Он отказался перенести утвержденный высшим руководством страны срок запуска, когда ему доложили о сбоях автоматики. Вместе с ним погибли двести человек. Включившиеся при аварии автоматические кинокамеры бесстрастно засняли агонию сгоравших заживо людей.

НЕПОРОГОВЫЕ ЭФФЕКТЫ

С юности тонкий и глубокий знаток Пушкина и его эпохи, потомственный русский интеллигент и ученый-естественник, Сахаров имел стойкий иммунитет к любому идеологическому насилию. Знающим ту эпоху поверить в это почти невозможно: в самом начале работы над термоядерным проектом Сахаров категорически отказался вступать в ВКП(б) — КПСС. Генерал госбезопасности Ф.Н.Малышев, по поручению Берии курировавший военные разработки, уговаривал Сахарова вступить в партию и предлагал свою рекомендацию(!). Андрей Дмитриевич дал абсолютно фантастический ответ: «Я сказал, что сделаю все, что в моих силах, для успеха нашей работы, так же, как я пытаюсь это делать и сейчас, оставаясь беспартийным. Я не могу вступить в партию, так как мне кажутся неправильными некоторые ее действия в прошлом и я не знаю, не возникнут ли у меня новые сомнения в будущем». Малышев спросил, что мне кажется неправильным. Я ответил:

— Аресты невинных, раскулачивание.

Малышев сказал:

— Партия сурово осудила ежовщину, все ошибки исправлены. Что касается кулаков, то что мы могли сделать, когда они сами пошли на нас с обрезом?

Он просил меня самым серьезным образом подумать о нашем разговоре, быть может, я захочу еще к нему вернуться. Я думаю, что если бы я дал согласие, то мне, вероятно, предназначалась крупная административная роль в системе атомной науки... Пользы от этого для дела было бы мало — какой из меня администратор!..

Очевидно, что в этот момент судьба Сахарова висела на волоске. Альтернативой высокому посту вполне мог стать лагерь. Генерал, однако, не совершил ни глупости, ни подлости, хотя классовое чутье вряд ли могло ему изменить. Очевидно и другое: молодой ученый многое понимал, имел странную привычку говорить, что думает, и был попросту внутренне свободен.

Самой трудной и мучительной проблемой для Сахарова оказалось осознание опасности самих испытаний нового оружия, их губительного воздействия на природу и человека. Конечно, многие физики и биологи в общих чертах представляли себе эту проблему. Не было главного: точного знания. Какие дозы облучения представляют опасность для человека? Какая радиация является смертельной?

«Начиная с 1957 года, — вспоминал Сахаров, — я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного загрязнения при ядерных испытаниях. Как известно, поглощение радиоактивных продуктов ядерных взрывов миллиардами населяющих Землю людей приводит к увеличению частоты ряда заболеваний и врожденных уродств (за счет так называемых непороговых биологических эффектов, например за счет поражения молекул ДНК — носителей наследственности). При попадании радиоактивных продуктов в атмосферу каждая метатонна мощности ядерного взрыва влечет за собой тысячи безвестных жертв. А ведь каждая серия испытаний ядерного оружия (все равно — США, СССР, Великобритании или Китая и Франции) — это десятки метатонн, т.е. десятки тысяч жертв».

Термин «непороговые эффекты» озна-

чает, что к необратимым генетическим изменениям могут приводить и сравнительно небольшие дозы радиации, находящиеся за порогом признанной опасности. По сути, заложником испытаний становится все человечество.

Осознав этот далеко не тривиальный в то время факт, Сахаров начинает борьбу. Ему удалось заручиться поддержкой Курчатова, имевшего огромный авторитет и влияние, но Игорь Васильевич в ту пору уже смертельно болен (он умер в 1960 году). И Сахаров фактически в одиночку продолжает убеждать высшее руководство страны отказаться хотя бы от дублирующих, не являющихся технически необходимыми испытаний. Разгневанный Хрущев кричит: «Я был бы слюнтяем, а не председателем Совета министров, если бы слушался таких, как Сахаров».

И все же Сахарову удается склонить Хрущева подписать с Кеннеди московский Договор о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Остаются только подземные взрывы. Потенциальная угроза сохраняется, но радиоактивной опасности они не несут.

АКАДЕМИЯ

Андрей Дмитриевич Сахаров, в свое время самый молодой действительный член Академии наук СССР за всю ее историю, состоял в ней 36 лет — пожизненно, как это и полагается по уставу. Наследница Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в советскую эпоху она стала удивительным гибридом элитного научного клуба и полностью подконтрольной Системе бюрократической организации. Полный контроль, впрочем, изредка, давал сбои. И возмутителем спокойствия снова выступил мягкий интеллигентный Сахаров.

Речь шла о новом всплеске кампании против генетики. Знамя борьбы с ней твердо держал в руках Трофим Лысенко, избранный в Академию наук СССР в 1939 году. Тогда ему удалось добиться доверия Сталина, а позднее и его разоблачителя Хрущева. Отвергая законы генетики о наследственности, лысенковцы провозгласили собственную теорию: возможность наследования приобретенных признаков и перерождения видов. В сельском хозяйстве это обещало невиданные урожаи новых волшебных сортов. В идеологии Системы — выведение новой породы, «советского человека».

Благодаря усилиям Лысенко к середине XX века, когда во всем мире стремительно развивалась молекулярная биология, в СССР эта область науки скатывалась к средневековью.

Интерес физиков к генетике не был случайным: законы наследственности пересекались с воздействием на живые организмы радиации. Несколько известных академиков-физиков, узнав о том, что Лысенко хочет провести в члены Академии своего очередного ставленника Н.И. Нудина, решили на общем собрании Академии наук выступить против.

Андрей Дмитриевич, постоянно работавший в те времена «на объекте», не знал о «заговоре» физиков. Но именно для него, после осознания роли «непороговых эффектов», проблемы генетики стали особенно важными. Немалую роль сыграло и то, что коллега Сахарова Виктор Борисович Адамский, бывший с ним в доверительных отношениях, накануне дал Андрею Дмитриевичу рукопись биолога Жореса Медведова «История биологической дискуссии в СССР». Это было первое публицистическое произведение, попавшее в «самиздат» (до этого дело ограничивалось художественной литературой). И первым, по признанию самого Сахарова, произведением «самиздата», которое он прочел. В.Б.Адамский вспоминает: «Нельзя сказать, что все содержание рукописи было для него новостью, но все-таки ее эмоциональное воздействие на Андрея Дмитриевича было очень сильным. Я не помню, чтобы он так резко о ком-нибудь высказывался. Запомнилось мне выражение: «Вегетарианство по отношению к Лысенко недопустимо». Вскоре представился случай это доказать.

Выступившие против Нудина физики говорили правильно, но слишком акаде-

1989 год. Андрей Дмитриевич Сахаров на Первом съезде народных депутатов СССР. Внизу: среди членов московской делегации в перерыве между заседаниями съезда

мично, «по-вегетариански». И только выступление Сахарова взорвало аудиторию. Чудом сохранилась стенограмма того заседания: «Что касается меня, — сказал Андрей Дмитриевич, — то я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетенями тех лиц, которые вместе с Нудным, вместе с Лысенко несут ответ-

ственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются» (Аплодисменты).

Из 137 присутствовавших академиков 114 проголосовали против. При многих свидетелях Лысенко сказал: «Сажать и судить надо таких, как Сахаров». (Любопытен не только ход мысли, но и последовательность: сначала сажать, потом судить.)

Хрущев пришел в бешенство и грозил разогнать Академию, которая полезла не в свое дело. Но лысенковцы не дождались реванша: через два месяца самого первого секретаря сняли со всех постов и отправили на пенсию.

О выступлении Сахарова против Лысенко во всем научном сообществе складывались легенды. Таинственная закономерность судьбы с неизбежностью делала действия Сахарова открытыми, а его самого — публичной фигурой.

ВЕСНА, НЕ СТАВШАЯ ЛЕТОМ

«К началу 1968 года, — вспоминал Сахаров, — я был внутренне близок к необходимости для себя выступить с открытым обсуждением основных проблем современности о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Это название соответствовало тону приглашения к дискуссии со стороны человека, не являющегося специалистом в общественных вопросах, который представлялся ему тогда наиболее правильным.

Казалось, сама атмосфера того времени требовала появления этого текста. Мир ждал перемен. Это был год «пражской весны», за событиями которой Андрей Дмитриевич внимательно следил. Многим, и ему в том числе, казалось: демократические изменения в Чехословакии — отмена цензуры, свобода слова, начало экономических и политических реформ, ликвидация всеислия органов безопасности, раскрытие преступлений сталинского режима — могут проложить дорогу демонтажу Системы в СССР и других странах социалистического лагеря, соз-

дать «социализм с человеческим лицом».

Ответом Системы на эти надежды (и на «Размышления...» Сахарова) стали танки, введенные в Прагу в августе 1968 года. Пражская весна так и не стала летом.

Но кроме «пражской весны» была и «парижская весна», когда события, начавшиеся со студенческих волнений, привели к значительным переменам во Франции. В этом же году Америку потрясает убийство Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга (Андрей Дмитриевич позже возьмет эпитафию к сборнику своих статей его слова «Несправедливость в одном месте земного шара — угроза справедливости во всем мире»). Американская администрация под давлением общества мучительно ищет выход из вьетнамского тупика. Впервые тревоги и надежды во многом оказывались общими для всего мира.

Западные интеллектуалы требовали от своих правительств большей гибкости. (Сахаров благодарно признавал, что находил поддержку своим мыслям в публикациях разных лет нобелевских лауреатов А. Эйнштейна, Н. Бора, Б. Рассела, других ученых и общественных деятелей.) И только восточный сфинкс — СССР — демонстрировал твердокаменное единомыслие. Идея Сахарова, что человечество подошло к критическому моменту своей истории, когда самому его существованию угрожают невиданные ранее опасности, была долгожданным глотком надежды и свободы. Известный американский журналист и историк Гаррисон Солсбери, комментируя тогда его статью, назвал ее «вершиной движения за либе-

рализацию в коммунистическом мире».

На Западе о «Размышлениях...» писали как о меморандуме, эссе или даже манифесте. Но не в терминах суть. Работа Сахарова была откровением (между прочим, это буквальный перевод с греческого слова «апокалипсис»), потому что ее написал нужный человек в нужное время в нужном месте. Если бы автором «Размышлений...» был какой-нибудь никому не известный гуманитарий, вряд ли их прочел бы кто-то кроме начальника районного отдела КГБ. Главным в сахаровском тексте были личность автора, подлинность и выстраданность свидетельства, авторитет большого ученого.

«Размышления...» — самая известная статья Сахарова. За несколько лет она выдержала более 50 изданий тиражом почти 20 миллионов экземпляров. Мировая известность, однако, не означала известности на родине, где она распространялась только в «самиздате» и при жизни Андрея Дмитриевича так и не была опубликована.

Несколько десятков страниц текста состоят из двух основных разделов: «Опасности» и «Основа надежды». Главные опасности и проблемы, выделенные ученым: термоядерная война, голод, экология (автор пишет «геогигиена» — термин «экология» еще не был общепринятым); расизм, национализм, милитаризм и диктаторские режимы; ограничения интеллектуальной свободы.

Основой надежды является глубокое реформирование обеих систем — социалистической и капиталистической — и их постепенное сближение, конвергенция (термин, очень важный для Сахарова). За рассуждения о необходимости конвергенции Сахарова не раз обвиняли в наивности. Однако как ученый-естественник он хорошо понимал, что конвергенция может быть и «с обратным знаком», т.е., сближаясь, две системы возьмут друг у друга худшее, а гибрид станет монстром. Но Андрей Дмитриевич просто указывал оптимальное, с его точки зрения, решение. Пока человечество существует, эта тема будет открытой.

«...НАЧИНАЯ СО СТРАНИЦЫ ШЕСТЬ»

Закончив первый вариант своей статьи, Андрей Дмитриевич отдал ее перепечатать машинистке на закрытом объекте. Не стоит удивляться, что первыми ее читателями стали сотрудники КГБ. Сахаров писал свою работу открыто и был бы рад ее публикации в СССР. Но, как и предыдущие его попытки предать гласности свои взгляды, эта была обречена на неудачу (интервью Сахарова для «Литературной газеты» запретил лично главный идеолог КПСС М.А.Суслов, у которого академик пытался добиться поддержки).

22 мая 1968 года датирована следующая докладная записка: «КГБ при Совете министров СССР, №И69-А. Сов. Секретно. Особой важности. ЦК КПСС».

...16 мая с.г., находясь в институте, Сахаров предложил одной из машинисток отпечатать 5 экземпляров имевшихся у него материалов.

По получению данных о политическом характере размножаемого документа принятыми мерами удалось добыть одну из его копий, начиная со страницы 6.

В документе освещаются вопросы политического, экономического и социального развития общества в основном с антимарксистских позиций.

Рассматривая современное общественное развитие и говоря об опасности «чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов Сталина, Гитлера и Мао Цзедуна», автор отмечает, что «фашизм в Германии просуществовал 12 лет. Сталинизм в СССР — вдвое больше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это гораздо более изощренный наряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса,

для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть...».

Председатель Комитета госбезопасности Андропов».

Андропова больше всего волновала возможность неконтролируемого распространения статьи Сахарова в «самиздате», что почти неизбежно должно было привести к ее публикации на Западе. Он пытается оказать давление на Андрея Дмитриевича через научного руководителя объекта академика Ю.Б.Харитона.

В первых числах июня, когда Сахаров вместе с Харитоном ехали в Арзамас-16 в персональном вагоне научного руководителя объекта, Харитон начал явную трудную для него разговор. Он сказал:

— Меня вызвал к себе Андропов. Он заявил, что его люди обнаруживают на столах и в вещах у некоторых лиц (т.е. при негласных обысках) рукопись Сахарова, нелегально распространяемую. Содержание ее таково, что в случае ее попадания за границу будет нанесен большой ущерб. Андропов просил меня поговорить с вами. Вы должны изъять рукопись из распространения.

Я сказал: «Я дам вам почитать эту статью, она со мной». Утром мы вновь встретились.

— Ну, как?

— Ужасно.

— Форма ужасная?

Харитон усмехнулся:

— О форме я и не говорю. Ужасно содержание.

Я сказал:

— Содержание соответствует моим

«Я родился в интеллигентной и дружной семье, — писал Сахаров. — С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией»

Вверху: Андрей Сахаров и Елена Боннэр, 1974 г. Внизу: Андрей Сахаров и Елена Боннэр в 80-х

познакомится, с «Размышлениями...» тот согласится разве что в части критики Системы, да и ее сочтет недостаточно радикальной. Подробный критический разбор статьи Сахарова Солженицын напишет сразу, выскажет его при встрече, но ответ свой опубликует только через пять лет. Мысли о конвергенции, демократизации, увеличении роли ученых Солженицыну были глубоко чужды, что не помешало ему и Сахарову относиться друг к другу с глубоким уважением.

«Глубокий анализ генезиса и проявлений сталинизма, — пишет Сахаров, — содержит фундаментальная (тысяча страниц) монография Р.Медведева. Это написанное с социалистических, марксистских позиций выдающееся произведение, к сожалению, до сих пор не увидело света (Р.Медведев «Перед судом истории». — Прим. Сахарова)».

Жизнь сводит Андрея Дмитриевича с историком Роем Медведевым, который активно помогал академику в распространении его статьи. Два года спустя Сахаров вместе с Медведевым обратятся с совместным письмом к советскому руководству о необходимости демократизации. Андрей Дмитриевич примет активное участие в вызволении из психбольницы помещенного туда без суда брата-близнеца Роя биолога Жореса Медведева.

Позже взгляды этих людей начнут значительно расходиться. Но именно за полемику, разномыслие, открытое обсуждение несогласий и выступал всегда Андрей Дмитриевич.

Подхваченные «самиздатом» «Размышления...» жили уже собственной, независимой от автора, жизнью. Диссидент Андрей Амальрик передал статью корреспондентам нидерландской газеты Het Parool Карелу ван хет Реве и американской The New York Times Раймонду Андерсону. Последний признавал, что главной проблемой было опасение, что это фальшивка. Поверить, что абсолютно свободные по духу «Размышления...» вышли из самого сердца советского военно-промышленного комплекса, было почти невозможно. О том, чтобы встретиться с автором, засекреченным и охраняемым ученым, не могло быть и речи. Пытаясь навести справки, журналисты узнали, что подпись Сахарова стояла под коллективным письмом XXIII съезду КПСС с протестом против ползучей реабилитации Сталина. Решили рискнуть, хотя уверенности в подлинности текста не было.

В начале июля «Размышления...» вышли в Нидерландах, но главной стала публикация на английском языке в The New York Times 22 июля.

Внимательно прочли текст Сахарова, выкраденный КГБ, и в Политбюро. Автографы всех руководителей государства отчетливо видны: ознакомлен, число, подпись. Ответом Сахарову было отстранение его от секретных работ и отлучение от номенклатурных благ, что, конечно, не стало для него неожиданностью.

Неспособность Системы к диалогу и стала главной причиной ее распада. Когда через двадцать лет Горбачев попытался ее демократизировать, выяснилось, что она просто разучилась говорить с собственным народом. Сахаров пытался дать ей шанс. Она им не воспользовалась.

P. S.

Пытаясь сегодня осмыслить судьбу Андрея Дмитриевича Сахарова, думая о его «трудах и днях», невольно задаешься вопросом: а возможно ли что-то, хотя бы отдаленно похожее, в наше время? Какое место в сегодняшней Системе должен занимать человек, чтобы его уход из нее был хоть в чем-то сопоставим с оппозицией Сахарова? Кем мог бы быть «сегодняшний Сахаров»? Ученым? Но наука лишилась не только сакральной роли, но и значительной части былого авторитета. Функционером Системы? Увольте, от одной мысли смешно. Олигархом? Но Сахаров был абсолютно бескорыстен. Кем должен быть человек, который мог бы в ситуации, не имеющей рационального решения, повторить вслед за Сахаровым: «Жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются — моральными».

Боец по имени Дельфин

США и СССР соперничали не только в области ядерных или обычных вооружений. США придумали отряд спецназа, состоявший из... дельфинов. Советский Союз оказался в роли преследователя. Но только поначалу

Сергей КАЛЕНИКИН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО АНАТОЛИЯ ГЛУЩЕНКО

Рассказывают, еще Наполеон для форсирования Ла-Манша подумывал прибегнуть к дельфинам – использовать их в качестве возчиков. А в разгар Первой мировой американский физик Роберт Вуд предложил применять зубатых китов для обнаружения немецких подводных лодок.

Первыми в этой области начали исследования британцы, но так и не развернулись. ВМС США всерьез взялись за дельфинов с конца 1930-х годов и достигли немало. По неофициальным данным, сейчас у США 115 боевых дельфинов.

Звездно-полосатые зубастики

Вступив в 1964 году в войну против Вьетнама, США столкнулись с необходимостью вести минно-диверсионную борьбу с северо-вьетнамскими пловцами, атаковавшими американские корабли. США усилили охрану своих баз, кораблей, создали особое подразделение для подавления вьетнамских диверсантов. На первых порах его бойцы использовали сетевые ловушки, гарпунные ружья, боевые арбалеты. Но тшкетно. Требовалось нечто другое. И вот в штате особого подразделения появляются шесть боевых дельфинов.

Они обнаруживали вражеского пловца на расстоянии до 360 метров. Приблизившись к нему, делали укол полый иглой, соединенной с баллончиком углекислого газа под высоким давлением. Расширяющийся газ разрывал внутренности пловца. За двенадцать месяцев было уничтожено более пятидесяти диверсантов. Использовались во Вьетнаме и морские лавы – сивучи, специально обученные для

охоты на вражеских ныряльщиков. Сивучи оказались наиболее азартными и беспощадными охотниками. Если дельфин – существо по природе добродушное, то морской лев – зверь весьма кровожадный, нацеленный на добычу. После ряда схваток, в которых приняли участие дельфины и сивучи, подводные вылазки вьетнамцев пошли на убыль, а к концу войны и вовсе прекратились.

Против подготовки боевых дельфинов выступала пресса, видные ученые США. ЦРУ и Пентагон факт их использования отрицали. До поры до времени. В 1976 году на Гавайских островах состоялся сенсационный судебный процесс по делу Ли Вэсснера и Стива Сипмэна, работавших в местном океанариуме. Эти пацифистски настроенные биологи выпустили из океанариума в море двух афалин – в знак протеста против ведущейся в нем подготовки дельфинов в военных целях.

Тогда-то и выяснилось, что у Пентагона, помимо гавайской базы, есть еще один секретный центр «диверсионных тренировок» – на побережье штата Флорида, в Ки-Уэст. Американский ученый Майкл Гринвуд сообщил, что дельфинов «вооружают» минами и баллонами с отравляющим газом для уничтожения людей. А взрывные устройства предназначались для потопления кораблей в гавани Гаваны.

По сообщению лондонской газеты «Обсервер», Пентагон готовил и дельфинов-смертников для лобовых атак на корабли противника. Заряд взрывчатого вещества крепился на теле живой торпеды. По свидетельству американского журнала «Аргоси», обычно цилиндрическая мина подвешивалась к спинному плавнику. Велась эксперименты и по вживлению адской машины в желудок дельфина, да так, чтобы он не смог отрыгнуть устройство. Заряд имел дистанционный взрыватель.

Однако все эти заряды имели небольшой вес и не способны были причинить

кораблю значительные повреждения. Поэтому специалисты ЦРУ несколько лет занимались отработкой транспортировки специальной торпеды при помощи дельфина. Животное толкало ее перед собой или буксировало на тросе длиной около метра. Взрыватели срабатывали при касании дельфина о борт судна. Поговаривали и о применении сверхмалых тактических ядерных зарядов.

В 1984 году газета «Нью-Йорк таймс» сообщила о закрытой директиве ВМС США, в которой шла речь об использовании дельфиньего спецназа в Никарагуа. И не без ехидства прокомментировала: «У дельфинов имеются определенные преимущества по сравнению с наемниками ЦРУ, разбрасывающими мины с катеров». Как подчеркивала газета, одно из преимуществ состояло в том, что на дельфиникам нет клейма «Сделано в США». После того как в акваториях никарагуанских портов из-за американских мин пострадало 14 торговых судов, включая советский танкер «Луганск», рейгановская администрация признала свою причастность к диверсиям, но с уточнением: мины-де доставлялись не дельфинами, а скоростными катерами.

На базе Бангор в штате Вашингтон дислоцируются подлодки класса «Огайо», оснащенные ракетами «Трайдент», – морской компонент стратегических ядерных сил США, в состав которых также входят воздушные бомбардировщики «Стелс» и МБР «МХ». Специалисты ВМС предполагали, что дельфины обеспечат безопасность базы по периметру, охраняя окружающие ее воды, и они же должны были защитить дорогостоящие подводные лодки от диверсантов. Предусматривалось также использование автоматического стреляющего механизма калибра 0,45, который прикреплялся к носу дельфина. Спусковой механизм срабатывал, когда дельфин ударялся выступающим концом насадки о нарушителя.

В 1987-1988 годах во время войны между Ираном и Ираком «звездно-полосатые» дельфины в Персидском заливе охраняли не только военные корабли, но и танкеры. А заодно занимались боевым тралением в качестве саперов. Но куда больше американским дельфинам и сивучам пришлось потрудиться в ходе операции «Буря в пустыне».

Военспецы Ирака установили перед побережьем Кувейта обширную минную

«Мы никогда не готовили дельфинов-убийц», – утверждает руководитель Севастопольского НИЦ «Государственный океанариум МО и НАН Украины», капитан первого ранга Валерий КУЛАГИН

– Чем отличаются боевые дельфины от небоевых?

– Уровнем специального обучения. Афалины, например, обладают великолепным даром ориентации. Основное их качество, которое нами используется, – то, что они способны определить незвучащий предмет в толще воды, не говоря уже о звучащем.

– О каких предметах идет речь?

– Когда испытывается морское оружие, оно оснащается специальным шумоизлучателем для дальнейшего поиска. Это и есть звучащий предмет. Именно на эти излучатели ориентируются технические средства поиска, а потом этому ремеслу обучили дельфинов. Еще позже выяснилось: афалины могут искать и молчащие предметы. Они наиболее трудны для поис-

ка, так как специально спрятались. Это донные, якорные мины, которые устанавливаются на малых, заиленных глинах, где большие течения. И никакие другие средства поиска, кроме дельфинов, не смогут обнаружить мину или что-то подобное. Ищут они и то, что человек теряет при аварийных ситуациях. Допустим, в море упал летательный аппарат. Но главное – донные и прочие мины.

Используя эхолокационный аппарат, они отличают один материал от другого. Заметьте: отличают не только металл от неметалла, а, допустим, бронзу от латуни. Они могут искать стекло, пластмассу или, скажем, телефонный аппарат. Была программа, когда дельфины искали все рукотворное. Все, к чему прикасалась рука чело-

века, все, что не относится к природе. Они находили и обозначали. Причем, от очень конкретного до очень размытого.

– Это поисковые и аварийно-спасательные работы. А охранно-защитные задачи?

– В Океанариуме никогда не готовили и не готовят дельфинов-камикадзе или дельфинов-убийц. Океанариум – не казарма для подводных диверсантов. У нас никогда не было наступательных программ. Да и вообще использовать дельфинов в боевых действиях нецелесообразно. Даже для уничтожения военного корабля необходима не одна торпеда, а несколько, может, и десяток, а каждая торпеда несет около 200 килограммов взрывчатого вещества. Так какой должен быть арсенал у дельфинов и их количество?

Мы работали над проблемой охраны водного района от несанкционированного проникновения технических средств – сверхмалых подводных лодок и подводных диверсантов: будь они в лапах или на подводном скутере типа «Протей». Это задача попроще, так как все это шумящие объекты. Но с другой стороны, она сложнее. Если охраняется какой-то рубеж, то основная сложность заключалась в том, чтобы система работала в автоматическом режиме, без человека, чтобы дельфин без человека «крутился» круглосуточно и круглогодично.

Афалины дислоцировались в специальных местах и подавали сигнал, если они кого-то увидели. Автоматически открывалась калитка, дельфин выходил – обозначал, что он обнаружил, а потом возвра-

щался и вставал на дежурство. И все эти манипуляции связаны с берегом, с пультом.

– А как именно «обозначал»?

– Дельфин обучался только на толчок человека или подводный носитель. А уже дежурный оператор, тренер решал, что делать. Дельфин может поставить буюк, может выстрелить из пистолета, а быть может, в ход пойдет и шприц, который при отлове боевых пловцов использовали американцы во Вьетнаме.

– В иные времена у вас было больше дельфинов. Почему сейчас Океанариум выглядит столь скромно? Правительство денег не дает?

– Да, афалин было больше. Но «повинен» не бюджет Украины. Дело в природоохранном законодательстве. Есть межгосударственные обязательства, которые

запрещают или ограничивают использование животных из Красной книги. Черноморские афалины – в их числе. Пока нам не разрешают их отлавливать. Катастрофического положения нет, но недостаток в дельфинах мы ощущаем.

Казалось, знаем прилично – больше, чем вчера. Но мы знаем не так много. Взять хотя бы коммуникационные сигналы афалин, их навигацию. Или: почему дельфины помогают людям в критических ситуациях? А их удивительное поведение, способность к обучению?..

Дельфины нам интересны еще и потому, что они единственные представители Мирового океана, которые пошли на контакт с человеком. А мы идем к ним на контакт. Они к нам – на воздух, а мы к ним – под воду.

полосу, дабы помешать высадке американского десанта. Эту полосу они тщательно охраняли, и американским водолазам не удалось ее разминировать. Неудача постигла и подводных роботов-саперов, которых пустили на минное поле после провала «фрогменов» — людей-лягушек. Иракские боевые пловцы вывели из строя почти все роботы. Тогда самолетами с базы ВМС США Пагет-Саунд было переброшено в зону Персидского залива подразделение сивучей, которое немедленно изменило ситуацию. Нес-колько иракских боевых пловцов были убиты, другие всплыли и были захвачены в плен. Больше подводные диверсанты в этом районе не появлялись.

Преодолев кувейтский рубеж, силы коалиции столкнулись с другой проблемой. Американские и британские водолазы с большим трудом находили мины в мутной воде у иракского полуострова Фао. А без разминирования фарватера порта Умм-Каср на юге Ирака невозможно было провести суда с гуманитарной помощью. Вот тут-то и потребовались дельфины. У них была задача найти смертоносный заряд, после чего около мины выставляли специальный знак. А разминирование проводил человек.

В 1998 году в районе Клайпеды состоялись натовские учения Baltic Challenge 98. Для участия в боевых маневрах из Сан-Диего (Калифорния) в Литву доставляются не то пять, не то шесть дельфинов. Впервые боевые дельфины США испытывались в малосолёных водах Балтики. Вроде искали условные мины. Но кто и что нашел, не сообщалось.

В августе 2005 года на США обрушился сильнейший ураган «Катрина». Он прокатился по побережью Флориды, Мексиканскому заливу и штату Луизиана, разрушая все на своем пути. Был затоплен Новый Орлеан. Погибли более 1000 человек. Но оказывается, в Луизиане находилось около 40 боевых дельфинов, обученных стрелять отравленными дротиками и специальными пистолетами в подозрительных аквалангистов. Во время урагана «Катрина» дельфиний спецназ ушел в океан. Поговаривают, что кто-то из них «прихватил» с собой пистолет...

Вдогонку

Инициатором и вдохновителем создания советского Океанариума был Главнокомандующий ВМФ, адмирал Флота Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков. Летом 1965 года была создана Научно-исследовательская экспериментальная база ВМФ. 24 февраля 1966 года утвержден ее штат. Это и есть дата рождения первого отечественного Океанариума. В те времена он значился как секретная «воинская часть 13132-К». Место ее прописки: западная часть Гераклейского полуострова (Крым), бухта Казачья (г. Севастополь).

Основателем и организатором Океанариума стал капитан 1-го ранга Виктор Андреевич Калганов. Тот самый легендарный Калганов — командир отряда разведчиков, о котором Ю. Стрехнин написал книгу «Отряд Бороды». А об операции похищения фашистской карты минирования фарватеров Дуная снят художественный фильм «Разведчики».

«Советы увеличили свои усилия в области использования морских млекопитающих. По нашим данным, эти советские исследования сфокусированы в основном на том, чтобы догнать нас в нашем сегодняшнем уровне разработок», — отмечал адмирал ВМС США Дж. Р. Вильсон. И это было правдой. С начала 60-х советский ВМФ стал качественно меняться. Появлялись невиданные до того времени суда с динамическими принципами поддержки, подлодки с баллистическими ракетами, стартовыми из-под воды, перспективные судостроительные материалы. Но требовался прорыв: нужно было в корне улучшить ходовые, маневренные и мореходные качества кораблей и субмарин.

Тем временем в научных кругах Запада бурно обсуждался «парадокс Грея», сформулированный английским физиологом Греем. Имея превосходный контур тела, дельфин сокращает до минимума сопротивление воды. Развивая высокую скорость (в рывке до 60 километров в час), он тратит энергии значительно меньше, чем

любое водное животное или человек. Дельфины обладают способностью стремительно набирать скорость и еще стремительнее тормозить. Не всякое техническое средство способно выдержать столь резкое торможение.

Грей установил: при движении в воде сопротивление тела дельфина в несколько раз больше того, которое способна преодолеть его мускулатура. Это несоответствие и было названо «парадоксом Грея». Его загадка сулила многое. Корабли, субмарины, торпеды могли бы быть более быстроходными, экономными, малозумными. И их боевые возможности во много крат усиливались. С этой целью и был создан Севастопольский Океанариум ВМФ СССР. Его главной задачей на то время было снизить сопротивление движения кораблей.

Более пятидесяти институтов и организаций Советского Союза вели исследования одновременно. За раскрутку дельфиньего феномена взялись наиболее светлые научные умы. Многие их идеи воплотились в десятки оригинальных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в интересах безопасности страны: «Каньон», «Перелом-4», «Перелом-8», «03.05.07. Океан», «Дилер», «Рубеж», «Оператор», «Манта-1», «Крона», «Калипсо», «Кильватер», «Обхождение»,

«Курган». Непосвященному эти названия ни о чем не говорят. Но за каждым из них — событие, очередной шаг к цели.

Помимо академических изысканий, отечественная гидробионика выдавала на гора и прикладные результаты. Ими с успехом воспользовались проектные кораблестроительные организации Ленинграда и Москвы. Особый интерес вызывала способность дельфинов обнаруживать подводные малоразмерные и малозумные объекты на значительном расстоянии с поразительной точностью. Анализ коммуникационных сигналов афалин, их магниторецепция продвинул и наше подводное навигационное приборостроение.

Подводные ищущие

Со временем ведущим делом Океанариума стала подготовка служебных или боевых дельфинов. Это трудяги из трудяг. Одни в поиске, другие в карауле: охраняли корабли, главную севастопольскую бухту, водные районы морских баз Черноморского флота. В 1974 году дельфин Геркулес впервые в отечественной истории обнаружил и обозначил затонувшую торпеду на глубине 51 метр. Главный штаб ВМФ принял решение о создании дельфиньего спецназа для поиска затонувших образцов военной техники, оказания помощи водолазам при подводных поисково-спасательных работах.

Черноморцы пошли еще дальше. Дельфин по кличке Титан научился нырять к мине в специальном наморднике, снаряженном бум-маркером, и нажимать торчащей впереди штангой прямо в ее бок. Бук освобождался и всплывал: мина-убийца обозначена. Но все это были чисто учебные эксперименты. Весной 1983 года настало время практики. Мину от дельфина прятали по всей бухте: однажды ее схоронили даже под бортом затонувшего корабля. Результат превзошел самые смелые ожидания. Титан обнаруживал цель за считанные минуты. И все же было решено провести

контрольную проверку. Дельфину предстояло соперничать с боевым кораблем.

Из бригады прислали морской тральщик. Мину затопили в неизвестном для участников состязания месте, искать договорились в порядке очереди: сначала работает дельфин, потом корабль. Титан нашел мину за 15 минут, тральщик утюжил бухту два дня, но так и не смог ее отыскать... Специалистам стало ясно: утерянные или спрятанные в море предметы дельфин может обнаруживать ничуть не хуже, чем собака-ищейка на суше. С 1979-го по 1994 год дельфины обнаружили объекты общей стоимостью около 50 миллионов рублей, что во много раз превосходило расходы по их содержанию.

Поисковая биотехническая система (БТС) начала действовать. Она не претендовала на замену традиционных средств. БТС действовала там, где поиск иными способами был невозможен или малоэффективен. Это мелководье, сложный профиль грунта, малая видимость под водой, течение, поиск образцов оружия под слоем грунта и замаскированных, акустически прозрачных зарядов...

«Натаскивали» афалин и на обнаружение боевых целей — таких, как гидрокоستم, водолаз в снаряжении, водолаз на подводном средстве передвижения типа

«Протей», мина-присоска, баллончик, акваланг... Севастопольские дельфинологи порой сами удивлялись. В 1975 году в некоторый район моря с вертолета на парашюте сбросили... дельфина, а с ним прыгнул его тренер — кандидат биологических наук, капитан 2-го ранга Борис Журид. Ничего подобного нигде в мире не было ни до, ни после. А задумывалось еще круче — десантирование с самолета! Но не пришлось... Приучали дельфиний спецназ и к стрельбе: требовалось выработать у них привыкание к звуку выстрела из боевого подводного пистолета. Они адаптировались через восемь-десять выстрелов и продолжали выполнять свою задачу.

Устойчивость дельфина к ударной волне подводного взрыва выясняли так. На расстоянии пятидесяти и глубине пяти метров от дельфина, находящегося в бортовом сетевом вольере судна, взрывали килограммовую тротильную шашку. Выяснилось: дельфин «взрывоустойчивее» человека в пять-шесть раз. Никаких травм. Он лишь вздрагивал при взрыве. А главное, эта бомбежка его не выбивала из колеи, он мог продолжать делать свое дело. Таким образом, шлифовались элементы биотехнической системы по охране кораблей, бухт, важнейших морских баз ЧФ.

С трехстволкой на носу

В Большой Севастопольской бухте, рядом с Константиновским равелином, соорудили четыре плавающие клетки и столько же радиогидроакустических буюв — РГБ. А на самом вершине равелина — командный пункт, где появилась установка, позволяющая по монитору наблюдать за клетями и подводным полигоном. Дежурство на командном пункте велось 24 часа в сутки. Моряки развернули вычислительный комплекс с телевизионным отображением обстановки. И пошла работа.

Со стороны боевых дельфинов работали Дик, Ас, Орфей, Бэк, Чарли... Охранную биосистему от ЧФ курировал кавалер двух

орденов Красной Звезды (полученных в мирное время), капитан 1-го ранга Юрий Пляченко. «Общаясь с ним, я всегда вспоминал о том, как англичане испытывали пушки горной артиллерии, сбрасывая их с колокольных, — вспоминает капитан 1-го ранга в отставке Александр Жбанов. — Нечто подобное Юрий Иванович требовал от охранной биотехнической системы».

У боевого дельфина-охранника, в сущности, было две заботы. Неся вахту, он был обязан обнаружить и при необходимости нейтрализовать подводного диверсанта, в зависимости от варианта решения задачи. А их виделось четыре. Первый. Дельфин свободно плавает в клетке размером 4х4х4 метра, закрепленной якорями в месте, которое ему надлежало охранять. Во втором случае дельфина выпускали из плавающей клетки для «физического контакта» с подводным диверсантом. Или так: животное патрулирует между расположенными в определенном порядке радиогидроакустическими буюми. А вот сценарий №4 (он стал основой БТС «Вахтер»): дельфин вместе с катером отправлялся в открытое море для обследования какого-то района. Уловив цель, он нажимал носом на рычаг сигнального устройства, давая знать о ее наличии. И, облачившись в спецснаряжение, стремительно занывиривал на контакт с иноземным пловцом.

Подплывающий «диверсант» замечался в любое время дня и ночи. Позже дельфин научился выдавать и пеленг на цель. Натренировавшись, он, словно золотой петушок, сообщал направление цели с точностью до пяти-десяти градусов. Что делать дальше, решалось по обстановке. Если появлялась необходимость, то афалину выпускали из плавающей клетки для встречи с гостем. Она стремительно летела навстречу пловцу и «поражала» его носом... в ладонь. Свои, как-никак.

Короче говоря, заметив подозрительный объект на поверхности моря или в глубине, дельфин должен был передать соответствующий сигнал на центральный пульт. А там уже тренер решал, как поступить. Приказать ли вытолкнуть это «нечто» на поверхность, демаскировать, послать ли на перехват быстроходный вооруженный катер или нейтрализовать дельфиньими силами сразу. В ту пору уже имелось убойное подводное оружие для животных — от пистолетов до пулеметов: мощная трехствольница с дельфиньего носа легко поражала мишень пулями 12-го калибра на расстоянии 20 метров.

Группы из двух-трех нарушителей дельфины определяли в 80 процентах случаев. В сумерках, когда отсутствовали внешние раздражители — шумливые купальщики, проходящие мимо катера, шлюпки с развеселыми рыбаками, — этот спецназ проявлял себя еще эффективнее. А ночью в свободном плавании афалина засекала «диверсантов» в десяти случаях из десяти!

Ни один прорыв боевых пловцов так и не удался. Вероятность безотказной работы противодиверсионной БТС оценивалась в 80-90 процентов, что значительно выше, чем у принятой на вооружении спецтехники.

Но и вопросов хватало. Скажем, как нейтрализовать подводных пловцов-диверсантов? Возобладало простое решение. На дельфиньем «наморднике» крепилось устройство, при контакте с пловцом выбрасывающее на поверхность воды патрон с сигнальной ракетой. Коснувшись поверхности, она выстреливалась вверх, обозначая место нахождения пловца. И вся премудрость.

С 1992 года Океанариум ВМФ СССР стал украинским. Исследования здесь продолжают. Продумываются проекты биотехнических систем нового поколения, которые смогут работать в различных сферах народного хозяйства, связанных с морем. Дельфины могут стать спутниками водолазов и нефтяников, спасателей и рыбаков, моряков. Могут участвовать в постоянном экологическом мониторинге. Иными словами, создается поисково-спасательная биотехническая система второго поколения — более устойчивая, с расширенным диапазоном применения, способная решать как военные, так и сугубо мирные задачи. Так что даже мирных забот у севастопольских дельфинологов и дельфинов хватит на сто лет вперед.

Отрывок из книги писателя кандидата исторических наук Александра Горбовского «Колдуны, целители и пророки»

Этот странный случай, происшедший с камергером шведского короля, бароном Зульцем, казался ему столь необъяснимым, что он постарался возможно подробнее записать его в своем дневнике.

«Я встретил, — писал барон, — у входа в парк моего отца в его обычном костюме, с палкою в руках. Я поздоровался, и мы с ним долго говорили, направляясь к дому; уже войдя в его комнату, я увидел в постели крепко спящего отца; в этот момент призрак исчез; через несколько минут отец проснулся и вопросительно посмотрел на меня».

Среди тех, кто так или иначе соприкоснулся с подобным феноменом, кто оказался действующим лицом или жертвой (привести различие здесь невозможно), есть люди, чьи имена вошли в историю и хорошо известны.

В 1810 году, когда Байрон, находясь в Греции, лежал с приступом жестокой лихорадки, люди, хорошо знавшие поэта, несколько раз видели его на лондонских улицах. Статс-секретарь Пиль писал Байрону, что в те дни он дважды встречал его на Сен-Жерменской улице, причем один раз видел, будучи вместе с братом самого Байрона. Отвечая на это письмо, Байрон писал с присущим ему сочетанием серьезности и иронии: «Не сомневаюсь, что мы можем — как, это нам неизвестно — раздваиваться: причем возникающий при этом вопрос о том, какой из близнецов в данное время действителен, а какой нет, предоставляю на ваше решение».

Вопрос о реальности двойника, заданный Байроном как бы вскользь, достаточно противоречив и парадоксален, чтобы не вернуться к нему еще раз. Тем более в свете тех фактов и сообщений, речь о которых пойдет дальше.

Как-то во время поездки Марка Твена по Канаде в день, когда ему предстояло выступление в Монреале, в его честь был дан прием. Там среди присутствовавших он заметил миссис Р., давнюю свою знакомую, которую потерял из виду лет двадцать назад. Он видел ее совсем рядом, разговаривающей с другими приглашенными, но, что удивило и несколько озадачило его, она даже не поздоровалась и не подошла к нему.

Вечером, когда он готовился к выступлению, ему передали, что какая-то дама хочет видеть его. В посетительнице он узнал миссис Р., которая выглядела и одета была точно так же, как когда он видел ее днем.

Миссис Р. была крайне удивлена: — Меня не было на приеме. Я только что, не позже чем час назад, приехала из Квебека.

«Ее не было ни на приеме, ни даже в городе, — заключал Твен свою запись об этом событии. — И тем не менее я видел ее там, видел совершенно ясно и безошибочно. Я готов поклясться в этом. Я совершенно не думал о ней в тот момент, как я не думал о ней в течение многих лет. Но

Фантомы

Двойники появляются и исчезают

она, несомненно, думала обо мне в то время. Возможно, ее мысли, пролетев то расстояние, которое разделяло нас, принесли с собой такой четкий и приятный образ ее самой. Мне представляется это так».

Запомним это соображение, высказанное писателем: интенсивная и эмоционально окрашенная мысль могла породить, вызвать к жизни двойника.

Как-то в студенческие годы известный ирландский поэт Йитс (Йитс Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии) узнал новость, которую ему очень нужно было срочно передать своему приятелю, живущему в другом городе. Он собирался написать ему, и в то самое время, когда он интенсивно думал об этом, его приятель увидел вдруг Йитса среди большого скопления народа в холле гостиницы, где он тогда жил. Не сомневаясь в его реальности, приятель попросил Йитса зайти к нему позднее, когда разойдутся собравшиеся. После этого, по рассказу его друга, двойник исчез, но появился снова в полночь, сообщив ту новость, которую поэт хотел передать ему. При этом сам Йитс, находившийся в другом городе, не имел ни малейшего представления о происшедшем.

Приведу еще один случай, зафиксированный в исторических источниках и повествующий об Альфонсе де Лигоре (1696–1787), настоятеле одного из католических монастырей. Как-то в 1774 году во время многодневного сурового поста, находясь в своей келье, он впал в забытие. Когда же вышел из него, объявил, что присутствовал у смертного одра папы Климента XIV. Тем, кто слышал его, это представилось делом совершенно невозможным — резиденция папы находилась на расстоянии не менее четырех дней пути. Однако рассказ Альфонса де Лигори неожиданно подтверждали другие лица, присутствовавшие при кончине папы. Они видели его при последних минутах папы, а затем во время погребальной службы, причем некоторые даже разговаривали с ним, не догадываясь при этом, что общаются не с самим настоятелем, а с его двойником.

Известно множество достаточно доку-

ментированных подобных случаев, относящихся не только к прошлому. Двойники появляются и в наше время. Назову два таких случая. И тот и другой произошли с очень сильными экстрасенсами — А.В. Мартыновым и Е.А. Дубицким. Вот как рассказывает о том, что произошло с ним, Мартынов:

— В Крыму, под Феодосией, есть завод «Электроприбор», где одно время я часто бывал в командировках. 2 апреля 1982 года я находился в Киеве и как раз вспоминал, что очень бы хотел оказаться в тех местах снова. И вот в тот день, когда сам я, повторыю, был в Киеве, под Феодосией, именно в тех местах, о которых я думал, меня на улице встречает хорошая моя приятельница по туристским походам Ирина Игнатьевна, которую я знаю много лет. Бросается ко мне, расспрашивает, что я и как. Я (или, вернее, мой двойник) подробно рассказываю о себе. Говорю, в частности, что теперь у меня в Ленинграде появился телефон, и называю его номер. Она записала его. Другим человеком, который встретил меня, вернее, моего двойника в тот же день, был военпред завода. Ему нравятся мои стихи, и мы стояли и долго беседовали с ним о стихах. Так рассказывал он мне потом. Но самым удивительным было вот что. Когда я вернулся из Киева в Ленинград, недели через две мне телефон действительно установили. И только тогда мне стал известен его номер. Оказалось, это был тот самый номер, который мой двойник дал за несколько недель до этого. Как был одет мой двойник? Я поинтересовался и узнал, что одет он был так же, как я в то время в Киеве. Через месяц-другой я поехал в командировку в Феодосию. Мне там говорят: «Ты опять приехал?» Когда я стал убеждать, что не приезжал, мне никто не поверил: видеть меня видели, а ни в какую мистику они не верят.

Что объединяет эти случаи? Мартынов очень хотел попасть под Феодосию. Знакомая Марка Твена думала о встрече с ним и с волнением ожидала ее. Байрон, болея вдали от родины, очевидно, вспоминал о ней и о Лондоне, который покинул. Общее для всех этих случаев — сильный эмоциональный настрой, желание ока-

заться в тех местах. Не этот ли настрой послужил тем импульсом, который породил двойников?

Если эту ситуацию обозначить как «посыл», то другую, о которой я собираюсь сказать, можно было бы обозначить скорее как «вызов». Вот что рассказывает о происходящем Е.А. Дубицкий:

— Когда я лечу кого-то, в некоторых случаях я практикую дистанционную помощь. Пациент мысленно или вслух «вызывает» меня по определенной схеме, которую я ему сообщаю. «Вызвав», он просит меня ему помочь. При этом у него возникают те же ощущения, как и при непосредственном контакте: чувство тепла, холода, проходит боль и т.д. Кроме этого, порой возникает ощущение моего присутствия. С некоторых пор отдельные пациенты стали говорить и писать мне, что это ощущение присутствия сопровождается появлением и физического образа, который они видят. Об этом сообщали мне человек десять.

А вот как описывает появление двойника Дубицкого одна из его пациенток. Она рассказывает об этом в своем письме-свидетельстве на имя руководителя эксперимента, академика АМН В.П. Казначеева:

«В тех случаях, когда двойник появляется днем при ярком свете, окружающее кажется как бы прозрачным, даже колеблющимся. Сама же фигура двойника — плотной, совершенно реальной. Двигается не бесшумно — слышно шуршание одежды, прикосновение подошв к полу и пр.

Двойник имеет тот же облик, что и Евгений Анатольевич: одет, как обычно одевается он, иногда закутан чем-то темным.

Вызов длится от получаса до 50–60 минут. Двойник подходит, иногда садится рядом, в таких случаях диван немного прогибается под ним. Ощущается тепло его рук, когда двойник прикладывает их к болезненным местам — шершавость кожи на пальцах. Одежда двойника на ощупь ничем не отличается от реальной ткани.

Болезненные ощущения исчезают через некоторое время, независимо от того, прикасался ли к этим местам двойник.

Были моменты во время обострения остеохондроза, когда двойник, касаясь верхних шейных позвонков, несколько раз довольно чувствительно зацепил и дернул волосы».

Какую аналогию вызывает внезапное появление двойника в местах порой совершенно неожиданных и удаленных? На ум невольно приходит феномен, связанный с телепортацией. Если представить себе, что это явления одного плана, то внезапное появление двойника в одном месте должно было бы одновременно сопровождаться исчезновением «оригинала» в другом, как это происходит в тех случаях телепортации, о которых мы знаем.

Если эта схема верна, тогда вопрос Байрона о том, который из таких «близнецов» (двойник или оригинал) реален в большей мере, обретает парадоксальный смысл. Если «оригинал» исчез, то «действителен», реален двойник, сколько бы далеко ни объявился он. Такого-то двойника (при дематериализовавшемся, исчезнувшем «оригинале») и считают действительной, реальной личностью, обозначая то, что произошло, — телепортацией.

Но вернемся к двойнику Дубицкого. По словам пациентки, общаться, разговаривать с ним она решила только месяца через три после его появления. «Голос двойника слышу явственно, с обыденными интонациями Е.А. Двойник отвечает на вопросы не всегда, может и промолчать. Неохотно отвечает на вопросы, касающиеся других».

На вопрос, в Москве ли родился Дубицкий, двойник ответил: «Под Москвой. Ты сама жила там». И действительно, как выяснилось при проверке, пациентка какое-то время жила в Краскове, где родился Дубицкий. Самому Дубицкому не было известно, что пациентка когда-то жила там. Как и она не знала, где родился он. Однако и то и другое оказалось известно его двойнику. Не такую ли осведомленность, превышавшую то, что знал сам Мартынов, проявил и его двойник, назвавший номер будущего его телефона. Продолжим, однако, рассказ Дубицкого:

— Одна моя пациентка сказала, что, «вызывая меня», она записалась от дочки,

чтобы та не помешала ей. Ребенок начал недоумевать — мама остается в комнате одна, зачем же она запирается? Однажды дочь догадалась посмотреть в замочную скважину. И после этого сказала, что знает, почему мать запирается от нее: «К тебе приходит дядя. Я его видела». После этого она полностью описала меня, как я выгляжу, как одет. В другом случае, в Новосибирске, женщина так же «вызвала» меня. Появился, как это бывало не раз, мой двойник, стал с ней работать, и она уснула. Подчеркну одно важное обстоятельство. В каждом третьем случае, когда появляется мой двойник, пациент «отключается» или засыпает так быстро, что это равносильно тому, как если бы он вдруг потерял сознание. В случае, о котором я говорю, когда она «вызывала» меня и появился мой двойник, дома оказался ее муж. Когда потом она проснулась, он ее спрашивает: «Слушай, а что это за мужик к тебе приходил?» И описывает мою внешность. Другая моя пациентка, которая активно общается, беседует с двойником, решила записать, что происходит, что он говорит. Спросила его. Он сказал, это и это — можно писать. А это — нет. Причем сама женщина «непрошибаемая», не поддается никакому внушению, никакому гипнозу. Я попросил ее и другую женщину спросить моего двойника, могу ли я встретиться с ним. Мне бы хотелось просто пожать ему руку. Но и там и там ответ был дан отрицательный. И тот и другой (или это был один и тот же) ответил, что делать этого не следует, невозможно. А один из двойников сказал: «Если вздумашь меня фотографировать, я уйду и больше меня не увидишь».

Как-то в присутствии двойника пациентка, не говоря, кому она звонит, стала набирать номер телефона Дубицкого. Если они не могут встретиться, почему бы им не поговорить друг с другом по телефону? Ей осталось набрать последнюю цифру, когда двойник остановил ее: стал отрицательно качать головой, прикладывая палец к губам. После этой попытки, предпринятой как бы против его воли, он исчез и не появлялся несколько месяцев.

Опасные контакты, рискованные встречи

О причине нежелания двойника встретиться со своим «оригиналом» можно

только догадываться. Догадываться, обратившись к случаям, когда такие встречи все-таки состоялись. Среди свидетельств о прижизненных призраках-двойниках особое место занимает эпизод, связанный с П.А. Вяземским (Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт, эссеист, литературный критик). Случай этот важен не только тем, что тогда произошла его встреча с собственным двойником, но и тем, что двойник оставил князю некий текст, то есть реальный, физический след своего присутствия. Рассказ этот сохранился в записи петербургского епископа Порфирия (Успенского), сделавшего ее со слов самого поэта. «Однажды, — рассказывал Вяземский, — я ночью возвращался в свою квартиру на Невском проспекте у Аничкова моста и увидел яркий свет в окнах своего кабинета. Не зная, отчего так произошло, вхожу в дом и спрашиваю своего слугу: «Кто в моем кабинете?» Слуга сказал мне: «Там нет никого» и подал мне ключ от этой комнаты. Я отпер кабинет, вошел туда и увидел, что в глубине комнаты сидит спиной ко мне какой-то человек и что-то пишет. Я подошел к нему и, из-за плеча его прочитав написанное, громко крикнул, схватился за грудь свою и упал без чувств; когда же очнулся, уже не видел писавшего, а написанное им взял, скрыл и до сей поры таю, а перед смертью приказу положить со мною в гроб и могилу эту тайну мою. Кажется, я видел самого себя пишущего».

Встреча с двойником завершилась исчезновением (уничтожением) двойника и тем, что сам Вяземский потерял сознание. Обратимся к еще одной такой встрече. Случай этот произошел в гвардейском полку старой русской армии. Рассказ приводится со слов очевидца, офицера:

«В полку ожидали приезда вновь назначенного полкового командира. В один из вечеров увидели, что приготовленная для него квартира освещена. Полковой адъютант, дав знать товарищам о приезде начальника, поспешил ему представиться. Его примеру последовали и другие офицеры. Когда все собрались в зале, полковой командир вышел из кабинета, поговорил с офицерами и, сделав некоторые распоряжения, отпустил всех домой. На другой день утром вновь дали знать о приезде полкового командира, и удивленные офицеры опять собрались по-вчерашнему в зале.

Опять вышел командир из соседних дверей, говорил то же самое, что вчера, отдал те же приказания и в сопровождении адъютанта, продолжая разговор, направился в кабинет.

Подойдя к дверям, он вздрогнул и, оставаясь, спросил адъютанта: «Видите ли вы?» Получив утвердительный ответ, командир сделал рукою знак офицерам подойти. Когда все приблизились, то увидели: за письменным столом сидел другой командир полка — его двойник. Тогда действительный командир быстро подошел к своему двойнику, и, когда последний моментально исчез, он мертвый упал на пол. Случай этот, записанный адъютантом и засвидетельствованный подписями всех присутствовавших офицеров, хранится в полковом архиве».

Как видим, события развивались по той же схеме, что и в первом случае. При встрече двойник исчезает, аннигилируется, сам же «оригинал» подвергается какому-то сильному воздействию — «упал без чувств», а во втором случае — гибнет.

Здесь, возможно, есть смысл вспомнить не только о двойниках, но и о встречах с фантомами другого порядка, с привидениями, призраками умерших. Ограничусь двумя примерами, имеющими, как видите, отношение к тому, о чем идет здесь речь. Я выбрал их потому, что и в том, и в другом случае была сделана попытка вступить в непосредственное физическое соприкосновение с призраком. В одном из них действующим лицом и жертвой оказался не кто иной, как Ф.М. Шалапин.

Как-то вместе с двумя приятелями-художниками Шалапин гостил недалеко от Орла (По другим источникам, дело происходило на даче художника Константина Коровина под Владимиром). Хозяин рассказал гостям о достопримечательности этого места — кургане, который пользовался дурной славой. Говорили, будто в полночь на нем появляются огоньки и тень женщины в белом. Дождавшись позднего часа, Шалапин и художники отправились к тому месту. Вернулись они растерянные. Все трое ясно видели огоньки, которые вспыхнули на кургане, но горели странно, не давая света вокруг себя. В полночь же на вершине появилось белое облачко, которое приняло форму женской фигуры.

На следующий день к гостям присоеди-

нились три соседских помещика и хозяин. Ночь была ясная. Расположившись в нескольких шагах от подножия, все семеро ясно видели, как зажглись огоньки и, закружившись у вершины, облачко приняло вскоре очертания женской фигуры. Когда белеющая фигура стала спускаться вниз, в их сторону, все невольно попятись. Кроме Шалапина. Он, наоборот, бросился навстречу призраку. В момент, когда они соприкоснулись, Шалапин упал, а фигура исчезла. Все бросились к нему. Артист лежал и глубоко обмороке.

Столь же рискованный опыт провел однажды и Стефан Самбур, русский экстрасенс начала века. Во время одного из своих сеансов ему удалось вызвать подобную же призрачную сущность. Когда фигура обозначилась достаточно четко, так что ее ясно видели другие присутствовавшие на сеансе, Самбур, расставив руки, бросился к ней, пытаясь то ли схватить, то ли удержать ее, заключив в объятия. Однако, едва они соприкоснулись, фигура исчезла, сам же он едва оправился после этого и долго болел.

Очевидно, такая встреча, физическое сближение призрака и человека, а тем более человека и его двойника, опасна для обоих. Если такая закономерность действительно существует, возможно, это и есть причина, по которой двойник Дубицкого не захотел встретиться со своим «оригиналом».

Порфириносные двойники

Мысль об опасности, а может, и о гибели таких встреч подтверждают и другие случаи. Приведу те из них, которые связаны с именами, хорошо известными в истории России. Из «Воспоминаний графини А.Д. Блудовой»: «Один из родственников деда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова, рассказывал как очевидец об известном неразгаданном явлении перед смертью Анны Иоановны (Анна Иоановна (1693—1740) — российская императрица, племянница Петра Великого). Вот как рассказывал мой дед. Его товарищ был дежурным со взводом солдат в карауле вечером за несколько дней до смерти Анны Иоановны. Это было во дворце на Фонтанке у Аничкова моста, в том самом доме, где теперь Троицкое подворье, в

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2019 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542
3 міс. - 63,54 грн
6 міс. - 127,08 грн
12 міс. - 245,15 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257
3 міс. - 36,87 грн
6 міс. - 73,74 грн
12 міс. - 147,48 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056
3 міс. - 30,59 грн
6 міс. - 61,18 грн
12 міс. - 122,37 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. ЛЬГОТНИЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104
3 міс. - 32,95 грн
6 міс. - 65,89 грн
12 міс. - 131,78 грн

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 | Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(найменування видання)

(індекс видання)

Кількість компл.

на 2019 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(найменування видання)

Вартість передплата

Кількість компл.

на 2019 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можна оформити за тел.: (044) 207-97-25, або на сайті market.umh.ua

Императрица Всероссийская
Анна Иоановна

покоях митрополита Московского. Караул стоял в комнате подле тронной залы; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалась во внутренние покои. Все стихло; было уже за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты вскочили на ноги, офицер вынул шпагу, чтоб отдать честь. Он видит, что императрица Анна Иоановна ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, закинув назад руки, не обращая внимания ни на кого. Часовой стоит как вкопанный, рука на прикладе, весь взвод стоит в ожидании; но что-то необычайное в лице императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной зале начинает их всех смущать. Офицер, видя, что она решительно не собирается идти дальше залы, и не смея слишком приблизиться к двери, решается наконец пройти другим ходом в дежурную женскую и спросить, не знают ли намерения императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему, что случилось. «Не может быть, — говорит герцог, — я сейчас от императрицы, она ушла в спальню ложиться». «Взгляните сами: она в тронной зале».

Бирон идет и тоже видит ее. «Это какая-нибудь интрига, обман, какой-нибудь заговор, чтобы подействовать на солдат!» — вскричал он, кинулся к императрице и уговорил ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей, вероятно, с дурным намерением; императрица решила выйти, как была, в нудермантеле; Бирон пошел с нею. Они увидели женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. «Дерзкая!» вскричал Бирон и вызвал весь караул. Молодой офицер, товарищ моего деда, своими глазами увидел две Анны Иоановны, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она вышла с Бироном из другой двери. Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперед, пошла к этой женщине и спросила: «Кто ты, зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с императрицы, отступая в направлении к трону и, наконец, все-таки лицом к императрице, стала подниматься, пятившись, на ступеньки под балдахином. «Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину», — сказал Бирон взводу. Изумленный, растерявшийся офицер скомандовал, солдаты прицелились. Женщина, стоявшая на ступеньках у самого трона, обратила глаза еще раз на императрицу и исчезла. Анна Иоановна повернулась к Бирону, сказала: «Это моя смерть!»

Это один из самых достоверных рассказов о привидении. Офицер, который был очень близок к деду, сам передавал ему все подробности этого неразгаданного случая».

Неизвестно, что поняла, что почувствовала императрица в миг встречи со своим двойником, но слова ее: «Это моя смерть!»

исполнились вскоре и точно. Существует ли связь между этой встречей и тем, что она увидела своего двойника? Догадку эту подтверждает еще один случай — точно так же завершилась встреча со своим двойником другой русской императрицы, Екатерины Великой. Об этом со слов своих подданных, вхожих во дворец императрицы, упоминал в «Воспоминаниях» Людовик XVIII.

«За 2 дня до смерти, — писал он, — фрейлины, дежурившие у дверей спальни Ее Величества, увидели, что государыня, в ночном костюме и со свечой в руках, выходит из своей спальни и идет по направлению к тронной зале и входит туда. Сперва они были очень удивлены таким странным и поздним выходом, а вскоре начали тревожиться ее продолжительным отсутствием. Каково же было их изумление, когда они услышали из спальни государыни звонок, которым обыкновенно вызывалась дежурная прислуга! Бросившись в спальню, они увидели государыню, лежавшую на кровати. Екатерина спросила с неудовольствием, кто это ей мешает спать. Фрейлины замаялись, боясь сказать ей правду, но императрица быстро заметила их смущение и в конце концов заставила так рассказать подробно все происшествие. Живо заинтересованная рассказом, она приказала подать одеться и в сопровождении своих фрейлин отправилась в тронную залу. Дверь была отворена — и странное зрелище представилось глазам всех присутствующих: громадная зала была освещена каким-то зеленоватым светом. На троне сидел призрак — другая Екатерина!..

Императрица вскрикнула и упала без чувств. С этой минуты здоровье ее расстроилось, и два дня спустя апоплексический удар прекратил ее жизнь».

Описанное событие имело столько свидетелей, что было невозможно скрыть его, и я был одним из первых, кто узнал об этом».

Приведя эти эпизоды, я вовсе не исчерпываю ими случай появления двойников исторических личностей, известных в русской истории. Есть, например, запись современника о том, что «недавно до кончины императрицы Елизаветы Петровны Шуваловы Петр Иванович и Иван Иванович и многие другие видели призрак императрицы Елизаветы Петровны, гуляющей в Летнем саду и в другие комнаты, когда наверное знали, что она в своих покоях находилась...». И опять, мы видим, за появлением двойника императрицы следует ее смерть.

Появление двойника, особенно когда это относилось к царственной особе, не могло не ставить окружающих в некоторое затруднение. Единственное, что оставалось им, — это констатировать, что происшедшее выходит за рамки понимания и того, что вообще дано знать человеку. Утверждение это остается справедливым и по сей день.

Двойник Ленина посещает Кремль

В отличие от правителей, управлявших Россией до большевиков и веривших в существование души и в иные планы бытия, коммунисты, столкнувшись с подобной ситуацией, попали в большое затруднение. Я имею в виду ситуацию, когда на глазах у всех по залам и служебным помещениям Кремля прошелся безгласный двойник Ленина.

Изложу версию этого события, как слышал ее ребенком. Рассказывал нашему соседу какой-то его родственник, появлявшийся у него время от времени, пока он не исчез окончательно в годы Большого Террора. Был он совершенно лыс, а может брил голову, и одет был в полувоенную гимнастерку и галифе. Впрочем, так ходили тогда многие. Появление его сопровождалось всякий раз застольем и водкой. Так было и на этот раз. Не помню, почему оказался я тогда в их комнате. Может, играл с его сыном, а может, мои родители, уйдя куда-то по делам, оставили на это время меня на его попечение. Такая взаимная выручка среди соседей существовала в Москве в те трудные годы.

Я не слушал, о чем говорили они за сто-

лом, и, наверное, не запомнил бы и этого, если бы сосед не стал шумно убеждать своего гостя, что, мол, может не опасаться говорить и при мне: «Он мал еще и ничего не понимает!» Именно эта фраза, видно, показавшаяся мне обидной, и насторожила меня, заставив прислушаться. Когда же потом по детской непосредственности я стал рассказывать дома, что мне привелось услышать, родители встревожились и попросили никому не пересказывать этого, забыть. Наверное, и эта реакция помогла мне запомнить то, что услышал я в тот день в комнате соседа.

— Я служил тогда самокатчиком, — говорил гость, — развозил пакеты на велосипеде из Кремля и обратно. На улице холодно уже было, я зашел в караульное помещение, стал за печкой погреться. Начальник, нерусский, не видел меня, наверное. А мне слышно было оттуда, как он по телефону говорил. Спрашивает: «Почему Ленин без охраны в Кремль прибыл?» Потом, видно, сам отвечает кому-то на том конце: «Нет, никакой с ним охраны нет. Один он. Я проверял. Хорошо. Позвоню в Горки». Говорит, чтобы соединили его с Горками, откуда Ленин приехал. Что ему там сказали, не знаю, только опять он звонит тому, с кем разговаривал: «В Горках сказали, что Ленин никуда не уезжал! Говорят, на месте он. Да. Точно». И назвал фамилию, с кем говорил в Горках. Забыл я, известная тогда фамилия. Что тут началось! Я за печкой стою, ни жив ни мертв. Лишь бы не увидели меня. Подумают, что нарочно подслушивал, подослал кто. Но не увидели. Я улутил минуту и выскочил. Такое вот дело.

— А что, — подхватывает сосед более понятную ему тему. — Увидели и шлепнули бы. И правильно бы сделали. — Убежденно заключил он. — Не слушай, чего не надо! Пей!

Таков тот скудный проблеск информации о событии, которое не могло, очевидно, не вызвать величайшей растерянности среди тех, кто окружал Ленина. Двойника Ленина, внезапно обывавшегося в Кремле, видели, очевидно, достаточно много свидетелей, чтобы случай этот возможно было бы просто замолчать. Но люди, видевшие его в тот день, не догадывались и не могли знать, что в действительности настоящий Ленин безвыездно находился в это время в своей резиденции, в Горках. Чтобы правда о странном этом, немарксистском эпизоде не вышла наружу, нужно было утвердить всех в мысли, будто это был действительно Ленин. Так появилась официальная версия внезапного, неведомо зачем приезда его в Москву и появления в Кремле. Версия эта отражена в воспоминаниях вдовы Ленина Н.К. Крупской и личного его охранника А. Бельмаса. И она, и охранник сопровождали якобы Ленина во время этого визита. Если бы это было действительно так, логично было бы ожидать, чтобы оба расказа их совпадали. Однако кричащие несовпадения наводят на мысль о не очень согласованной попытке построить некую версию события, которого в действительности не было.

Так, Крупская пишет, будто из Москвы Ленин и она вернулись в Горки только на следующий день, ночевали в Москве. Охранник утверждает — вернулись в тот же день. Крупская: «Ехали мимо Сельскохозяйственной выставки». Только мимо. Охранник утверждает, будто Ленин посетил выставку.

Немаловажное обстоятельство — сама психологическая недостоверность такого вероетивированного визита. Крайне мало вероятно, чтобы Ленин, поступающий в жизни всегда мотивированно и целенаправленно, совершил эту явно бессмысленную и необъяснимую поездку только для того, чтобы безмолвно пройти через многочисленные помещения и комнаты Кремля, сесть в машину и тут же уехать. Даже если представить себе все-таки, что это мог бы быть сам Ленин, то для него подобный поступок весьма нехарактерен.

Можно предположить, что кроме создания легенды о посещении Кремля были приняты и другие меры, чтобы люди, узнавшие об одновременном пребывании Ленина в Горках и в Кремле, не смогли бы разгласить этого. Какими могли быть эти меры, можно только догадываться.

Призраки и двойники в стенах лаборатории

К случаям, о которых говорил я до сих пор, вполне применимо определение «спонтанный» и «произвольный». Применимо в том смысле, что никто из тех, чьи двойники возникали неожиданно, сами не стремились к этому и не прилагали усилий. Тем не менее, как и другие феномены, появление которых (по незнанию нашему) представляется нам произвольным, появление двойника может быть результатом и вполне направленного, осмысленного действия. Косвенно об этом свидетельствуют некоторые из экспериментов и самым прямым образом практика шаманов, колдунов и вообще людей, наделенных паранормальными способностями.

Говоря об экспериментах, связанных с темой двойника, второго «я», я называл бы опыты, которые проводил в свое время известный психиатр В.Л. Райков. Участник эксперимента, экстрасенс, выделял из своего тела то, что он называл «астральным двойником», видимым только ему. После чего он приказывал «двойнику» переместиться в соседнее помещение. Находившаяся там другая участница опыта, предварительно погруженная в гипноз, в тот же момент фиксировала появление в комнате «двойника» и описывала его внешность, совпадающую с тем, как выглядел сам экстрасенс. Само собой до этого ни внешность его, ни содержание эксперимента известны ей не были.

Опыт был усложнен. Участнице, по-прежнему пребывавшей в состоянии гипноза, давалось задание взять иголку и уколоть «двойника», видимого только ей. Она делала это, но не без колебаний, поскольку «двойник», очевидно, воспринимался ею как реальный человек. И всякий раз экстрасенс, находившийся, как было сказано, в другом помещении, точно фиксировал момент и место укола на своем теле. Ощущения, судя по всему, носили ясно выраженный болевой характер, так как несколько раз он даже вскрикнул.

Не могу не упомянуть еще об одном варианте формирования такого «фантомного двойника». Обычно, проводя диагностику, целитель-экстрасенс, медленню ведя ладонями вдоль тела пациента, точно определяет малейшие отклонения, называет изъяны и недуги человека. Таким образом, он может определить пломбы в зубах, назвать малейшие шрамы на теле и т.д.

Но то же самое возможно, оказывается, делать и не на самом пациенте, а на его «фантомном двойнике». Взглянув на человека, а иногда даже не видя его, зная только имя, экстрасенс мысленно строит перед собой его как бы «фантомного двойника». И диагноз, такой же точный, как если бы перед ним был реальный человек, появляется по мере того, как он водит рукой вдоль пространства, в котором он воздвиг такого двойника и которое окружающим представляется пустотой.

Оказалось, однако, что такой «фантомный двойник» представляет собой не только психическую, но и энергетическую, физическую реальность. Это засвидетельствовали опыты профессора А.В. Чернетского. Когда к такому мысленно построенному «двойнику» реального человека подносили прибор, регистрирующий биополя живых объектов, стрелка его четко реагировала на поле, окружавшее «фантом». С этой целью использовался датчик для измерения напряженности электрических полей. Стоило, однако, экстрасенса также мысленно разрушить, размыть «фантомного двойника», как прибор тут же переставал показывать наличие поля. Двойник дезинтегрировался, исчезал.

Какова может быть физическая сторона такого преднамеренно созданного фантома? Как считает доктор наук Б.И. Исаков, человек действительно способен излучать своего, как он называет, информационно-энергетического двойника. Такой «лептонный двойник» строится из микрелептонного газа, состоящего из нейтрино и фотонов. По словам Исакова, «лептонного двойника» можно рассматривать как своеобразный аналог разумного существа из разряженной материи».

Творящие двойников по своей воле

Как и в других случаях, когда мы встречаемся с разного рода феноменами, способность по желанию создавать собственного двойника демонстрируют люди, так или иначе причастные к паранормальному, знакомые с магической практикой. Это может быть шаман, колдун, жрец или священник той или иной веры либо человек, живущий даже в миру, но обладающий такими способностями. Теодор Драйзер оставил запись о странном случае, который произошел с ним однажды. Один из его приятелей, посетив писателя, то ли в шутку, то ли всерьез пообещал несколько необычным образом явиться к нему вечером того же дня. Через несколько часов Драйзер действительно внезапно увидел своего приятеля, стоящего в дверях его кабинета. Однако едва изумленный писатель попытался приблизиться к нему, как двойник исчез.

Существуют и другие свидетельства о подобной способности.

Император Веспасиан (Веспасиан (9—79) — римский император, основатель династии Флавиев), рассказывает Тацит (Тацит Корнелий (55—120) — римский историк), будучи в Египте, решил спросить божество о будущем империи. Приказав удалить всех и один войдя в храм, он с удивлением заметил позади себя неведомо как появившегося «одного из египетских сановников по имени Базилид, лежащего, как он знал, больным на расстоянии нескольких дней пути от Александрии. Он справился у жрецов, не был ли Базилид сегодня в храме, у прохожих — не видел ли кто его в городе, наконец, посплав всадников, удостоверился, что Базилид был в это время за 80 миль».

Калиостро тоже, очевидно, способен был по собственному желанию создавать двойника и даже отправлять его с какими-то поручениями. Догадаться об этом можно по некоторым из бумаг, оставшихся после его смерти. Так, обнаружено было письмо лионских масонов, которые благодарят его за то, что он, Калиостро, появился среди них. Однако, если судить по дате его появления, упоминаемой в письме, оказывается, что Калиостро в то время находился весьма далеко от Лиона — в Лондоне. Интересно, что с готовностью демонстрируя другие свои способности, этого своего умения он не только никому не показывал, но никогда не упоминал о нем.

Другой, не менее странной личностью, жившей в то же время, что и Калиостро, был человек под именем Пинетти. Под этим именем он был известен при дворах прусских королей, шведского короля, короля Франции Людовика XVI. Для современников это был иллюзионист, человек, который вызывал изумление всех, кто присутствовал на его сеансах. Правда, многое, что делал Пинетти, и сегодня не может быть объяснено в рамках притворства и ловкости рук. Но какую еще личину, кроме личины фокусника, мог бы принять в ту эпоху человек, наделенный, как говорим мы теперь, паранормальными способностями? Маска эта была, по сути дела, единственной, которая могла бы защитить его от подозрений в чернокнижии и обвинений в чародействе.

В 1800 году, когда Пинетти прибыл в Петербург, император Павел был уже наслышан о нем и его чудесах от придворных, присутствовавших на его сеансах в Париже, Стокгольме и в Берлине. Пинетти был приглашен во дворец к семи часам вечера. Однако, когда в овальном зале, где собрались Павел и те, кого счел нужным пригласить император, часы медленно пробили семь раз, Пинетти не появился. Не было его и через минуту, и через десять

минут, и даже через полчаса. Такого не мог позволить себе при дворе никто. Пинетти имел наглость явиться ровно час спустя после назначенного срока. Когда же собравшиеся высказали ему крайнее свое неудовольствие, он, удивленно вскинув руки, предложил всем посмотреть на часы. На всех часах стрелки стояли на семи, в том числе на тех больших, которые час назад пробили семь. Однако ровно через минуту, когда Пинетти завершил свои извинения, часы снова показывали то время, которое было в действительности, — восемь часов.

Другие вещи, которые демонстрировал он, привели зрителей в не меньшее изумление. Желание узнать, существуют ли вообще для этого человека пределы возможного, заставило императора подвергнуть его испытанию. Пинетти было предложено явиться на следующий день за гонораром в полдень лично к императору, в его кабинет. Сложность заключалась в том, что по условию, предложенному императором, охране было приказано вообще не впускать во дворец ни одного человека. Однако на другой день, не полагаясь на стражу, император приказал запереть все ворота и все входы дворца и положить ключи ему на стол. Это было проделано.

Без пяти минут двенадцать сквозь литую решетку закрытых ворот была просунута депеша, тотчас же переданная в кабинет императора. Это было сообщение начальника департамента полиции о том, что Пинетти из дома не выходил. Император едва успел прочесть это сообщение, как Пинетти уже входил в его кабинет. (Ситуация напоминает подобное же испытание, которому Сталин полтора века спустя подвергнет Мессинга и которое тот, как и Пинетти, блестяще выдержит.)

Между Пинетти и императором состоялся якобы следующий разговор:

— Вы опасный человек, — заметил Павел.

— Только чтобы развлечь ваше величество.

— Не собираетесь ли вы покинуть Санкт-Петербург?

— Да, если только ваше величество не пожелает продлить мои выступления.

— Нет.

— В таком случае я уеду через неделю.

Накануне отъезда Пинетти просил уведомить императора, что покинет столицу России завтра в полдень через все пятнадцать городских застав. Вест об этом тут же стала известна жителям, и на другой день у каждой из застав стояла толпа любопытных. В полдень на каждой из пятнадцати застав полицейские чины и собравшиеся видели Пинетти и карету, которая увозила его. Более того, в докладе, представленном императору департаментом полиции, сообщалось, что отъезд Пинетти и его паспорт были зарегистрированы на всех пятнадцати заставах города. Надо думать, что, получив это сообщение, император лишь утвердился в правильности своего решения.

Действительно ли мог этот человек, чье имя окружено легендами, формировать по желанию собственных двойников? С ним ли самим или с его двойником разговаривал император в своем кабинете, где Пинетти появился необъяснимым образом? Сейчас, два века спустя, ответить на этот вопрос невозможно. Как невозможно, впрочем, найти и какое-то другое объяснение тому, что произошло. Тем более что известны и другие сообщения, подтверждающие такую способность.

Как одно из таких свидетельств приведу запись французского путешественника П.Д. Гэсо, посетившего вместе с четырьмя своими спутниками в 1950 году Гвинею. В пути они остановились у местного колдуна Вуане и расположились спать в его хижине. Напротив меня, пишет Гэсо, спит колдун. Вдруг слышится скрип открываемой двери. «На пороге стоит Вуане в коротком бубу, в коротких штанах с непокрытой

головой. Но ведь он здесь у моих ног, на своей циновке. Он лежит на боку, повернувшись ко мне спиной. Я вижу его бритый затылок. Между нами на земле стоит лампа, горящая тускло, как ночник. Я не смею пошевелиться и, затаив дыхание, смотрю на Вуане. Он какое-то мгновение колеблется, наклоняется, проходя под гамаками, и медленно укладывается в самого себя. Вся эта сцена разыгрывается за несколько секунд.

Утром, когда мы с Вуане остались наедине, я спрашиваю его:

— Ты не выходил сегодня ночью?

— Выходил, — ответил он спокойно. И еле заметная ироническая улыбка появляется на его губах».

Практика создания двойников издавна известна была и сибирским шаманам. Об этом говорит хотя бы эпизод, связанный с якутским шаманом Кычаканом. Современники рассказывали, что, когда власти попытались его арестовать по какому-то поводу, он объявился одновременно в семи местах. И никто не мог сказать, какой Кычакан настоящий, а какой лишь его фантом, двойник.

Об умении тибетских лам вызывать к жизни собственных двойников упоминает в своих записях Александра Дэвид-Нил. Однажды, находясь в Тибете, она вместе со своим поваром-тибетцем подходила к палатке, они оба увидели знакомого ламу-отшельника, который сидел у входа на складном стуле, видимо, поджидая ее. «Это не удивило нас, — пишет она, — потому что лама часто приходил поговорить со мной. Повар сказал только:

— Римпош пришел. Я пойду и быстро приготовлю ему чай.

— Хорошо, — ответила я, — приготовь чай и принеси его нам.

Он отправился делать это, а я продолжала идти к неподвижно сидевшему ламе. Когда мне оставалось несколько шагов до палатки, передо мной возникла как бы туманная дымка, подобная занавесу, который медленно отодвигался в сторону. И внезапно ламы не стало. Он исчез.

Немного погодя пришел повар, неся

Александра Дэвид-Неэль, французская оперная певица, поэтесса и композитор, более известная как путешественница, писательница и исследовательница Тибета

чай. Он удивился, видя, что я одна. Чтобы не пугать его, я сказала:

— Римпош приходил, только чтобы сказать мне кое-что. Он не смог остаться на чай.

Потом я рассказала самому ламе об этом видении, но он только посмеялся и не ответил на мой вопрос. Тем не менее он повторил это еще раз. Мы разговаривали с ним на дороге, когда он внезапно исчез. При этом поблизости не было ни дома, ни палатки, вообще никакого укрытия».

Как можно догадаться, собеседником исследовательницы на пустынной дороге оказался, очевидно, не сам лама, а его двойник. При этом он столь искусно имитировал самого ламу, что у нее не возникло ни малейшего сомнения.

Таким образом, двойник может возникать не только спонтанно, непроизвольно, как видели мы до этого. Он может быть вызван к жизни и в результате чьего-то осмысленного, направленного действия.

Но всегда ли только человек может стоять за этим?

Вот странное сообщение из поселка Дальнегорск на Дальнем Востоке. Зимой 1989 года, в один из дней, когда над поселком наблюдалась особая активность непознанных летающих объектов, в квартире гражданки К. произошло следующее происшествие, которое я приведу без комментариев. Живет она вместе с мужем и двумя детьми на первом этаже пятиэтажного дома. Вот как рассказала обо всем она сама: «После 18 часов я отправила своих детей Петю (4-й класс) и Аню (5-й класс) в универсам. Где-то через 20—30 минут раздался звонок в прихожей. Я открыла дверь, и в прихожую вошли мои дети, но странно одетые — в серебристого цвета комбинезоны, а на голове было что-то вроде шлемов. В том, что это были мои дети, я не сомневалась — их лица, рост, цвет глаз и волос.

Они молча стояли и смотрели на меня. (За все время они не сказали ни слова и не издали ни звука.) Я стала на них ругаться, почему так долго ходили в универсам и почему ничего не купили. Что за наряд? Дети молчали. Не обращая внимания на меня, прошли мимо меня в комнату, я следом за ними. Они подошли к стенке, стоящей справа в комнате, и стали что-то делать, вроде как фотографировать — были слышны щелчки и видны вспышки света. Так, много раз щелкая, они обошли всю комнату по периметру и остановились у дверей из комнаты в прихожую. Я подошла к ним ближе и снова стала ругаться — почему мать разыгрываете? Схватила шланг от пылесоса (пылесос стоял рядом, так как я делала уборку дома) и замахнулась на них, пытаюсь ударить. Не помню, ударила или нет, так как оказалась на полу. Быстро вскочила — голова сильно болела, а на лбу огромная шишка. Я стала снова на них кричать — мать бьет?»

Они стояли молча и смотрели на меня как-то странно, зло и недобро. Тут я почувствовала что-то не то, наверное, это не мои дети. В это время раздался звонок, я пошла открывать дверь — на пороге стояли мои дети с покупками и нормально одетые. Я смотрела на них, ничего не понимая, а затем сказала, что дома стоят такие же дети, как вы. Ребята разделись и отправились в комнату. Какое-то время они смотрели друг на друга. Затем «дети», синхронно повернувшись, пошли вдоль стенки к окну и исчезли, как будто растворились».

И еще одна деталь, как бы заключительный аккорд этого происшествия. Когда после этого Аня подошла к телевизору и включила его, на экране появилось статичное черно-белое изображение ее матери с пылесосом.

— Мама, тебя по телевизору показывают!

Пока та шла в комнату, изображение стало таять и через секунду исчезло. На экране появилось обычное цветное изображение передачи, которая шла в то время.

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№8 (161) от 20.08.2019
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18953-7743 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание
рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.

Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2019
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №72214

**В АВГУСТОВСКОМ
НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:**

- ЧТО ЖДЕТ УКРАИНСКУЮ ЭКОНОМИКУ В СЛУЧАЕ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ШТОРМА
- ПОЧЕМУ 100 ЛЕТ НАЗАД БЫЛА ПОХОРОНЕНА ИДЕЯ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ
- КАК КОММЕНТИРУЮТ ЗАПАДНЫЕ СМИ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

**УЖЕ
В ПРОДАЖЕ**

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты истории»

СЛУХАЙ, ЩОБ ЗНАТИ

ГОЛОС
СТОЛИЦІ 106^{FM}